

ГАЙДАР НА ВОЙНЕ

Вступительная статья и публикация Бориса Камова

Впервые на войну Гайдар попал, когда ему едва минуло 15 лет. Случилось это в 1919 г. Он был тогда слушателем VI Киевских командных курсов. Помещались они в здании бывшего кадетского корпуса, выстроенного еще при Николае I, и местные жители часто называли курсантов «красными юнкерами».

Программа, которую за несколько месяцев предстояло пройти будущим командирам, оказалась обширной, но едва ли она была изучена хотя бы наполовину, ибо львиную долю времени поглощали внеплановые «практические занятия»: то и дело по сигналу тревоги курсантов бросали на подавление кулацких банд, восставшего Богунского полка или переметнувшегося на сторону белых соединения атамана Григорьева.

Даже выпуск старшего курса был произведен досрочно — 23 августа того же года. Причина оказалась веской: Петлюра подошел к самым стенам города. Только что получившие краскомовские удостоверения командиры, среди них 15-летний Гайдар (тогда еще Голиков), призваны были в составе «Железной бригады» курсантов задержать врага хотя бы на несколько суток, чтобы дать возможность эвакуировать город.

Здесь, в больших и малых боях на подступах к древнему городу, и началась «обыкновенная биография» Гайдара. Он командует ротой, потом батальоном. Снова учится — в Высшей стрелковой школе в Москве. По окончании ее — в 17 лет — становится командиром полка. Под его началом — 1300 бойцов и 60 командиров. Дальнейший путь ему совершенно ясен: навсегда остаться в армии, а для этого закончить военное образование. Он собирается в Академию Генерального штаба.

Но случается непредвиденное. Контузия, полученная 6 декабря 1919 г., оборачивается тяжелой болезнью — травматическим неврозом. Полугодовой отпуск и лечение у лучших специалистов не помогают. В апреле 1924 г. Аркадия Гайдара, в возрасте двадцати лет, увольняют из армии в запас.

Оказавшись без образования, гражданской специальности и по сути даже без дома, он спешно дописывает повесть, начатую два года назад, еще когда он служил командиром полка и гонялся за остатками белых банд по лесам Сибири. Под названием «В дни поражений и побед» повесть была напечатана в 1925 г. на страницах ленинградского альманаха «Ковш». В том же году журнал «Звезда» публикует и первый его рассказ — «РВС». Гайдар становится профессиональным писателем.

Сотни очерков, статей, фельетонов, десятки повестей и рассказов (многие из которых, к сожалению, пока не собраны и не переизданы) — таков итог 16-летней работы Гайдара в литературе. Но в душе Аркадий Петрович продолжает чувствовать себя солдатом, «старым красноармейцем», как он однажды выразился. И оба жизненных его призвания — писательское и военное — сливаются в его книгах воедино.

В его письмах, дневниках (тоже опубликованных не полностью, хотя пора это сделать), в его статьях, фельетонах и повестях читателя и сейчас привлекает острота критического взгляда и редкая прозорливость.

Задолго до нападения фашистской Германии на Советский Союз Гайдар сознает неизбежность военного конфликта: «Тот год и день, когда напряженную тишину тысячеверстной западной границы разорвут первые залпы вражеских батарей, когда

<...> вздрогнет миллионами сердец и загудит тысячами встревоженных фабричных гудков оторванный от мирного труда великий Советский Союз, — этот год и день и час не отмечен еще черной каемкой ни в одном из календарей земного шара. Но год этот будет, день возникнет и час придет», — писал Гайдар в фельетоне «В тот день»¹.

«Прочёл газеты, — сообщает он из больницы 22 сентября 1936 г. — Чёрт знает, сколько я успел пропустить за последние годы. Вылечиться нужно во что бы то ни стало и ценою чего угодно. События кругом надвигаются величественные и грозные. Нужно как можно скорее и больше накопить здоровья, знания и сил»².

Страницы его дневников за 1939—1941 гг. полны раздумий о судьбах Европы, судьбах мира. «Война гремит по земле. Нет больше Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурга, Бельгии. Германцы наступают на Париж»³. «Давно уже Франция разбита», — пишет он полтора месяца спустя, в июле 1940 г. (т. 4, стр. 544). «На земле тревожно», — отмечает он глубокой осенью того же года (т. 4, стр. 545).

И чем тревожнее на земле, тем пристальнее его внимание ко всему, что касается обороноспособности нашей страны.

В мае 1939 г. в одной из центральных газет появляется большая статья полкового комиссара М. Миронова «Повесть о сталинских соколах». В ней дается восторженный разбор книги Николая Шпанова «Первый удар», романа в жанре «военной фантастики», где описываются действия военно-воздушных сил Красной Армии, которым «выпала честь» первыми отразить внезапный налет германской фашистской авиации на территорию Советского Союза и «первыми ответить двойным ударом на удар» фашистов.

Особенно восхитило Миронова описание начала войны. Он даже процитировал его в своей статье: «Рев беснующегося океана был бы ничем в сравнении с могучим криком, поднявшимся над толпой. Негодование народа, призыв к борьбе, уверенность в своей силе были в этом крике... Этот шум был внезапно покрыт ревом мотора. Над толпой неся истребитель. Он выделял замысловатые фигуры, развороты. За ним тянулась струя дымного следа. Самолет развернулся, взмыл выше. Родясь там, где он промчался, возникло гигантское слово: „Сталин“».

И далее, без тени критического анализа, Миронов пересказывал сюжет книги, в которой изображалось, как первый же удар нашей авиации выводит из строя важнейшие объекты врага, разом меняя соотношение сил и предопределяя в конечном счете исход всех последующих событий на мировой арене.

Газета «хвалит Н. Шпанова за повесть о будущей войне, — записывает Гайдар в дневнике 24 мая 1939 г. — Но статья полкового комиссара что-то подозрительна, ибо цитаты он приводит очень неудачные»⁴.

После завершения короткой финской кампании Аркадий Петрович оставляет в дневнике запись о больших потерях, понесенных нами⁵.

Гайдар видит причины этого прежде всего в том самом шапкозакидательстве, которое было ему «подозрительно» в книге Н. Шпанова и в статье о ней, в том недостаточном понимании особенностей современной войны, которое проявилось во многих боевых операциях на Карельском перешейке.

И Гайдар пишет об этом со всей определенностью в повести «Командант снежной крепости», законченной в 1941 г.

Капитан Максимов объясняет по телефону своему сыну, «командующему» мальчишеской армией: «Ваши подразделения лезут по сугробам без лыж, надеясь сокрушить противника только гиком, криком и диким завыванием. Кроме того, вы штурмуете крепость без плана, без подготовки, кулаками, штыками и саблями, и, конечно, противник бьет вас самой новейшей техникой. Генерал, я высоко ценю ваше личное мужество и вашу храбрость, но одного этого в современной войне для победы — увы! — никак недостаточно. Прощу извинить за прямоту...» (т. 3, стр. 169).

Не нужно особой проникательности, чтобы понять: слова капитана Максимова относились не к одной только игре в снежную крепость...

В этом произведении, созданном за несколько месяцев до нападения Германии, как и в других своих книгах, писатель готовит юных читателей к тяжелым испытаниям, с которыми они столкнутся в самом скором времени.

А. П. ГАЙДАР]

Фотография. Москва, август 1941 г.

Литературный музей, Москва

В малоизвестной заметке «Тимур готовится к войне» Гайдар писал: «Только что (в первом варианте) я закончил сценарий фильма „Комендант снежной крепости“ (...). Действие ее происходит в семье капитана артиллерии Максимова во время войны с белофиннами. Тимур во время войны настоящей готовится сам и готовит своих товарищей к войне будущей»⁶.

Нет нужды пересказывать содержание повести. Напомним только, что «гарнизон» Тимура Гараева охраняет крепость круглые сутки, несмотря на темень, мороз и ветер. Игра максимально приближена к реальным условиям.

«Нужно сделать так, чтобы тот юноша, который приходит в армию в 18-летнем возрасте, получил бы военное воспитание уже лет семи»⁷, — говорил Гайдар на совещании по военному воспитанию в ЦК комсомола в январе 1941 г.

И еще, в том же выступлении:

«...когда ему (мальчишке. — Б. К.) придется лежать где-нибудь в грязи, то ему будет нелегко. Но может стать легче. Ведь на войне человек всегда или очень занят, или очень свободен. И вот он лежит и думает: „Я где-то читал, что был какой-то Овод, ему кочергой попало. Значит, я не один“. И когда войдет в его сознание, что он не один, что были и еще такие люди, это его как-то подбодрит.

Вот это я и стараюсь объяснить своему читателю того возраста, с которым я имею честь работать»⁸.

Когда пришла война, а с ней и «дни поражений», Гайдар оставался внешне спокойным. Он задолго до ее начала предвидел возможность любых поворотов событий, понимая, что победа дастся нелегко. «А вообще война будет отчаянная. К войне этой надо готовиться всеми силами», — предупреждал писатель в рассказе, напечатанном еще в 1927 г.⁹

«Если военизировать каждый хутор, каждое село, чтобы по всему Союзу, повсюду как бы маленькие крепости были разбросаны со своим гарнизоном из населения, трудно тогда с нами справиться будет», — утверждал писатель в другом рассказе¹⁰.

«— Толька! (...) — спрашивает своего товарища Владик Дашевский из повести „Военная тайна“. — А что, Толька, если бы налетели аэропланы, надвинулись танки, орудия, собрались бы белые со всего света и разбили бы они Красную Армию? (...) Мы бы с тобой тогда как?» (т. 2, стр. 176).

Вопрос Владика порожден беспокойной его фантазией, но мы уже знаем, что за детскими этими вопросами стоят всамделишные раздумья автора, который вместе с героем пытается решить: а если бы такое все-таки случилось, «мы бы с тобой тогда как?»

Внутренняя готовность Гайдара к драматическим неожиданностям предстоящей войны позволяла ему сохранить в тяжелейшие дни гитлеровского нашествия стойкость и уверенность в победе. Об этом удивительном оптимизме Гайдара говорили и писали все, кому доводилось встречаться с ним на Юго-Западном фронте, под Киевом, или позднее, в партизанском отряде.

«Товарищ Гайдар часто говаривал, — вспоминает бывший начальник штаба партизанского отряда И. С. Тютюнник: — Это не 1919—1920 гг., когда наша молодая страна была разрушена и всё же мы победили, а зараз наша страна сильная, и фашистов мы разобьем <...>, конец войны будет на Шпрее, и жизнь для нашего народа будет счастливая, богатая и веселая»¹¹.

«Может быть, нас к тому времени не будет, — сказал он однажды, — но народ... советский народ победит»¹².

На фронтах Великой Отечественной войны Гайдару, военному корреспонденту «Комсомольской правды», довелось пробыть очень мало — чуть больше трех месяцев.

«...Я жив, здоров, — писал Аркадий Петрович в последнем письме к жене Доре Матвеевне Гайдар. — Наши войска сражаются хорошо. Бои, как ты сама читаешь, идут упорные, но настроение у войск и у народа твердое.

<...> если сейчас от меня не будет долго писем, ты не беспокойся <подчеркнуто Гайдаром. — Б. К.>. Это просто значит, что далеко идти на почту» (т. 4, стр. 512—513).

Записка, которую получил сын писателя Тимур Гайдар, была набросана на листке из блокнота: «Воюю в тех же местах, где начинал воевать в гражданскую. Знай, что все будет хорошо. Учись и не очень скучай. Может быть, мы скоро увидимся»¹³.

После этого не было вестей ни от него, ни о нем почти целый год. Лишь летом 1942 г. в ящик для привезенных с фронта писем (он стоял в вестибюле Союза писателей, на улице Воровского в Москве) кто-то опустил вдвое сложенный конверт. Лейтенант С. Абрамов извещал жену писателя, что Гайдар погиб близ села Леплява Полтавской области. Спустя еще год приходит письмо старшего лейтенанта И. Гончаренко, который встречался с Гайдаром незадолго до его гибели. Факты, приведенные Гончаренко, в основном совпадали с теми, что сообщил Абрамов.

Летом 1942 г., опять в адрес Союза писателей, пришла открытка, а затем и письмо полковника А. Д. Орлова. После падения Киева полковник выходил из окружения с большой группой бойцов и командиров. Был в этой группе и Гайдар.

В 1943 г., когда наша армия освободила Лепляву, туда был направлен специальный корреспондент «Комсомольской правды» А. Ф. Башкиров. Он опросил местных жителей. Они подтвердили, что партизан, убитый на окраине деревни, близ железнодорожной насыпи, — Аркадий Петрович Гайдар. Об этом Башкиров сообщил в редакцию.

Эти документы военных лет, а также короткие воспоминания М. Котова «На дорогах войны», опубликованные в сборнике «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», легли в основу всего, что в течение почти двух десятилетий писалось о последних днях Гайдара.

Однако по-прежнему оставалось неизвестным, как Аркадий Петрович попал в группу полковника Орлова, почему остался у партизан, в каких операциях участвовал, что представлял собой отряд, о чем была книга, над которой он работал... Ответ хотя бы на часть этих вопросов можно было получить лишь на Украине, в тех местах, где Гайдар сражался и погиб.

Результатом первой поездки автора этих строк летом 1962 г. на Украину явились радиопередача «Боец Аркадий Гайдар» и очерк «Партизанской тропой Гайдара» («Юность», 1963, № 3), вызвавшие много откликов. В настоящее время удалось найти более 30 человек, которые встречались с Аркадием Петровичем в дни войны. Присланные ими воспоминания и письма насчитывают сотни страниц. Устные рассказы этих людей,

записанные на магнитофон, составляют свыше 700 страниц машинописного текста.

Н не восстановлен весь путь Гайдара от Москвы до Леплявы, известны важнейшие события последних 127 дней его жизни — с 22 июня по 26 октября 1941 г. Чтобы помочь читателю разобраться в сложном переплетении событий, изложенных и упоминаемых в публикуемых здесь воспоминаниях и письмах, мы приводим перечень наиболее существенных фактов последних месяцев жизни Гайдара.

22-е июня 1941 г. застаёт Гайдара в Москве. Он заканчивает работу над киносценарием «Клятва Тимура». Постановка фильма по непредвиденным обстоятельствам срывается: ребята — исполнители главных ролей в картине «Тимур и его команда» — эвакуированы из Москвы¹⁴.

Гайдар прилагает большие усилия, чтобы попасть на фронт. 14 июля партбюро и оборонная комиссия Союза писателей ходатайствуют о медицинском переосвидетельствовании «бывшего командира полка, освобожденного от военного учета по болезни». Медицинская комиссия признаёт Гайдара годным для работы во фронтовых условиях в качестве военного корреспондента.

19 июля на основе разрешения Генерального штаба РККА редакция «Комсомольской правды» выдает Гайдару командировочное удостоверение.

21 июля Гайдар уезжает на Юго-Западный фронт, в Киев. В окрестностях Москвы состав попадает под бомбежку. То был первый массированный налет фашистской авиации на столицу. «Выехали со всякими приключениями, ночью были под Москвой. Ночь, как сама знаешь, была беспокойная», — пишет Аркадий Петрович жене (т. 4, стр. 511).

«Приключения» продолжаютсЯ. Во время очередного налета Гайдар становится свидетелем удивительного поединка машиниста поезда с «мессершмиттом» — и знакомится с Михаилом Ивановичем Котовым, тоже военным корреспондентом «Комсомольской правды»¹⁵.

В Киеве Гайдар поселился в гостинице «Континенталь», штаб-квартире журналистов, кинооператоров, фоторепортеров Юго-Западного фронта. Здесь он работает бок о бок с поэтом Александром Безыменским, корреспондентами «Красной звезды» Борисом Лациным, Захаром Хацревиным, Борисом Абрамовым и др.

Выезжая на передовую, Гайдар часто бывает во 2 батальоне 306 полка 62 стрелковой дивизии, которым командует старший лейтенант Иван Николаевич Прудников. Батальон базируется в районе Новоград-Волыньск, Коростень, Малина, т. е. в тех же местах, где Гайдар воевал в гражданскую (ср. запись в дневнике: «Очень дымное, тревожное, счастливое время — людей не помню — помню события <...> Вой Коростень—Новоград-Волыньск» (т. 4, стр. 546).

5 августа, в фойе детского кинотеатра «Смена» — центре тимуровского движения в осажденном Киеве — Гайдар и Безыменский встретились с пионерами-тимуровцами.

8 августа в «Комсомольской правде» публикуется первый очерк Гайдара «У переправы» — о Прудникове и его батальоне.

9 августа в республиканской газете «Советская Украина» печатается обращение Гайдара к пионерам-тимуровцам — «Ребята!»

В начале августа, по инициативе Аркадия Петровича, у бригады корреспондентов «Комсомольской правды» (кроме Гайдара и Котова, в нее входил еще Владимир Георгиевич Лясковский) появляется машина: грузовик 77-44. Водитель ее — Александр Куприянович Ольхович. На этой полуторке Гайдар, Котов и Лясковский едут кружным путем из Киева через село Леплява в Канев, чтобы посетить могилу Т. Г. Шевченко.

В середине августа Гайдар по вызову редакции приезжает для отчета в Москву. Здесь он выступает с речью в Союзе писателей.

20 августа в «Комсомольской правде» появляется очерк «Мост», написанный после поездки в Канев. 21 августа одновременно в «Комсомольской правде» и «Пионерской правде» публикуется его очерк «Война и дети». По просьбе редакции Центрального радиовещания Гайдар записывает на пленку свое обращение «В добрый путь!» — напутствие ребятам-школьникам перед началом учебного года¹⁶.

30 августа он вновь уезжает на фронт. По возвращении в Киев изучает линию обороны, которая подошла теперь к самой черте города. Пишет очерк «У переднего края» («Комсомольская правда», 17 сентября).

В гостинице «Континенталь» Гайдар встречается с кинооператором Центральной студии документальных фильмов Абрамом Наумовичем Козаковым, вместе с ним едет в воинское соединение на реке Ирпень. Здесь Аркадий Петрович уходит с разведчиками в ночной поиск. События этой ночи положены Гайдаром в основу последнего опубликованного при жизни писателя очерка «Ракеты и гранаты» («Комсомольская правда», 1941, № 234, 4 октября).

В первых числах сентября он знакомится с начальником штаба 36 авиационной истребительной дивизии полковником Александром Дмитриевичем Орловым, бывает с ним у летчиков. Итогом поездок оказывается не дошедший до нас очерк «Во имя Родины».

В середине сентября из осажденного Киева улетают Котов и Ляковский. Гайдар остается.

17 сентября Гайдар ночует в доме шофера Ольховича на Круглоуниверситетской улице, д. 15. Пишет письмо сыну Тимуру, которое оставляет матери Ольховича, Федоре Павловне (письмо не сохранилось).

18 сентября приходит приказ оставить Киев. Гайдар с Ольховичем покидают на машине город. В тот же день они добираются до Борисполя, что в 25 километрах от Киева. Здесь, в суматохе окружения, теряют друг друга и больше уже не встречаются.

19 или 20 сентября Гайдар возвращается в Киев, к Цепному мосту, последней невзорванной переправе. Здесь он знакомится со старшим политруком Евгением Федоровичем Белоконовым и просит разрешения остаться с саперами до их отхода. Ему разрешают. Вечером того же дня Гайдар — один — уходит в разведку в оставленный Красной Армией город, чтобы лично убедиться: на окраине Киева наших частей уже нет.

На рассвете 20 или 21 сентября Гайдар возвращается и докладывает: наши части покинули Киев, немецкие еще не вошли. На основе доставленных Гайдаром данных было принято решение взорвать мост. И мост был взорван.

22 сентября, снова под Борисполем, происходит знакомство Гайдара с батальонным комиссаром Виктором Дмитриевичем Коршенко. С ним Аркадий Петрович участвует в нескольких боевых операциях и начинает свой марш по тылам врага.

27 или 28 сентября в районе села Помокли Гайдар встречает речников Днепровской военной флотилии, которые готовятся к партизанской борьбе в Приднепровских плавнях. Аркадий Петрович расстается с Коршенко и уходит с речниками.

29 сентября в лесу близ села Семеновка Гайдар вновь встречается с полковником Орловым, который собрал вокруг себя несколько сот окруженцев. Писатель присоединяется к этой группе. (У Орлова сохранилась запальная дощечка от бутылки с горючей смесью. На дощечке рукой Гайдара написано: «28.9.41 г. в лесу дер<евни> Семеновка под Киевом». Это последний из дошедших до нас автографов Аркадия Петровича.)

1 октября Гайдар вместе с группой Орлова добирается до леса у села Озериче, что в нескольких километрах от Леплявы. Здесь происходит знакомство с лесником кордона № 54 Михаилом Ивановичем Швайко. Заболев, Аркадий Гайдар трое суток проводит в доме Швайко.

4 октября, стоя на посту, Гайдар задерживает при весьма странных обстоятельствах мужчину, который называет себя Александром Погореловым, бойцом партизанского отряда Гельмязевского района. Погорелов приводит Гайдара и Орлова в партизанский лагерь. Происходит знакомство с руководством отряда: командиром Федором Дмитриевичем Гореловым, комиссаром Моисеем Ивановичем Ильяшенко, начальником штаба Иваном Сергеевичем Тютюнником. В тот же день, по предложению Горелова, группа Орлова поселяется в свободном домике лесника близ лесопильного завода, в полутора километрах от партизанского лагеря.

5 октября утром Гайдар появляется в партизанском лагере, проводит импровизированную политбеседу, вместе с другими бойцами разрабатывает план диверсионной

операции. С разрешения Горелова эта операция была осуществлена. С того дня Гайдар почти все время находится у партизан, принимая участие во всех без исключения рискованных вылазках. Между 6 и 14 октября Гайдар просит разрешения у Орлова перейти в партизанский отряд. Орлов отказывает.

14 октября Гайдар вторично просит позволить ему перейти в отряд Горелова. Все уговоры полковника оказываются тщетными. Аркадий Петрович окончательно перебирается в партизанский лагерь.

15 или 16 октября становится известно о намерении группы Орлова двигаться дальше к линии фронта. Гайдару вновь предлагают присоединиться, и он снова отказывается.

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Прогрессивная молодежная газета

Красная Москва, 40 улица, Москва, УТ

Орган ЦК и ВЛКСМ

Телефон секретариата Д 3-32-13

№ 0143

19 июля 1941 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано писателю тов. ГАЙДАРУ Аркадию Петровичу в том, что он командируется в Действующую Красную Армию юго-западного направления в качестве военного корреспондента газеты "Комсомольская Правда", согласно разрешения генерального штаба Красной Армии.
/пропуск от 18 июля 1941 года/.

Член редакции - Б. Бурков /Б. Бурков/.

Фот. зап. «Правда», зап. 4302

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ А. П. ГАЙДАРА — КОРРЕСПОНДЕНТА
«КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

19 июля 1941 г., Москва

Центральный архив литературы и искусства, Москва

В партизанском лагере Гайдар ведет дневник отряда, работает над книгой.

18 октября группа Орлова трогается в путь. Перед ее уходом Гайдар просит полковника взять с собой два готовых очерка «Варвары XX века» и «Во имя Родины». Орлов не соглашается: ему предстоит пройти по тылам врага свыше 600 километров.

В тот же день, пользуясь суматохой, вызванной уходом группы Орлова, из отряда дезертирует Александр Погорелов.

На рассвете 22 или 23 октября со стороны лесопильного завода появляются немцы и полиция, которые уверенно окружают лагерь. После неравного боя (гитлеровцев было в четыре-пять раз больше, чем партизан) Горелов отдает приказ отступить. Гайдар прикрывает отход товарищей огнем своего пулемета.

После боя Гайдар с частью партизан приходит в Лепляву, в хату Андриана Алексеевича Степанца. Но оставаться в селе нельзя, и Аркадий Петрович с двумя десятками бойцов поселяются в запасном лагере, в лесу близ села Прохоровка. Однако и здесь партизаны долго оставаться не могут. В связи с этим командир отряда Горелов предлагает перебраться на новое место, примерно в 50—60 километрах от Леплявы, где можно будет продержаться до весны и где имеются сделанные еще летом запасы продовольствия.

Для осуществления этого плана требовались продукты на дорогу, поэтому вечером 25 октября Гайдар, Александров, Никитченко, Скрипник и Абрамов (первым сообщивший о гибели Гайдара) отправились из Прохоровского леса в разгромленный лагерь разведать, нет ли там немцев, и забрать, если удастся, подвешенные на деревьях мешки с копченым мясом и салом.

По пути партизаны зашли в хату Степанцов, поужинали и двинулись в сторону лесопильного завода. Немцев в старом лагере не было. Бойцы отыскиали мешки, содержимое которых переложили в рюкзаки и направились обратно. Вновь миновав центр Леплявы (к Степанцам партизаны уже не заходили), они вышли на окраину села, пересекли железнодорожную линию и вдоль насыпи двинулись в сторону будки путевого обходчика, где им предстояло свернуть на тропу в Прохоровский лес.

У будки путевого обходчика партизаны сделали короткий привал под соснами: впереди оставалось не менее двух часов пути. Тогда и возникла мысль зайти к обходчику Игнату Сорокопуду (он жил в каменном доме по другую сторону насыпи) и попросить у него картошки.

Поднявшись с ведром в руке на насыпь, Гайдар увидел за деревьями, у самой тропы, немцев. Он успел предупредить товарищей об опасности и тут же был сражен автоматной очередью.

Осенью 1947 г. прах Гайдара был перевезен в г. Канев и похоронен в городском парке, на высоком холме. Там писателю-герою установлен памятник. В 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Гайдар посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

В настоящем томе публикуются наиболее значительные из писем и воспоминаний о Гайдаре. Они располагаются таким образом, чтобы по возможности сохранить хронологическую последовательность событий.

Поскольку большая часть предлагаемых читателям писем прислана автору публикации, адресат указывается лишь в тех случаях, когда письма посылались какому-либо другому лицу. В публикуемых письмах сделаны сокращения и произведена незначительная стилистическая правка.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Газ. «Волна» (Архангельск), 1929, 2 марта.

² Письмо к А. Я. Трофимовой от 22 сентября 1936 г. — ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 1, ед. хр. 91.

³ Аркадий Г а й д а р. Дневник. Запись от 14 июня 1940 г. Собрание сочинений в четырех томах. М., Детгиз, 1956, т. 4, стр. 544. — В дальнейшем при ссылках на этот источник в тексте указываются только том и страницы.

⁴ Дневник. Запись от 24 мая 1940 г. — ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 1, ед. хр. 23.

⁵ См.: запись от 3 апреля 1940 г. — Там же.

⁶ Цитируется по фотокопии, хранящейся в архиве Дома детской книги в Москве.

⁷ «Воспитание мужества». — «Детская литература», 1941, № 2, стр. 36.

⁸ Там же, стр. 40.

⁹ «Два письма». Письмо второе. — Газ. «Красный воин», 1927, 11 сентября.

¹⁰ «Отпускники». — Газ. «Красный воин», 1927, 9 августа.

¹¹ Из письма к автору настоящей статьи.

¹² Из фонограммы беседы с бывшим партизаном И. С. Ваченко.

¹³ Сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». М., Детгиз, 1951, стр. 208.

¹⁴ См. письмо Гайдара коменданту города Москвы генерал-майору Ревякину. — ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 1, ед. хр. 10.

¹⁵ М. К о т о в. На дорогах войны. — Сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». М., Детгиз, 1951, стр. 210.

¹⁶ Эта пленка недавно найдена и реставрирована группой работников Государственного дома радиовещания и звукозаписи и Государственного Литературного музея в Москве и является пока что единственной сохранившейся записью голоса писателя (см. Е. М и х а й л о в а. Голос Гайдара. — «Литературная газета», 1964, № 60, 21 мая).

1

ИЗ ЗАПИСОК КИНООПЕРАТОРА А. Н. КОЗАКОВА

В тяжелые дни начала Великой Отечественной войны, в июле 1941 г., Аркадий Петрович Гайдар — специальный корреспондент «Комсомольской правды» — приехал в осажденный Киев и поселился в гостинице «Континенталь». Как и в каждом городе, здесь были тимуровские отряды, и Гайдара, любившего свое детище, можно было часто здесь видеть. На Крещатике в детском кинотеатре «Смена», где располагался штаб тимуровцев, можно было также видеть и живых персонажей из рассказов Гайдара ¹.

Преданность детей Родине была беспредельна. Школа № 118 считала себя мобилизованной в полном составе: ребята организовывали комнаты, в которых матери могли оставлять малышей, оказывали помощь престарелым и семьям ушедших на фронт, занимались сбором необходимого в то время металла, дежурили в госпиталях.

С чистым полотенцем и мылом в руках выходила девочка с косичками, кажется ее звали Таня, к поезду, идущему с фронта, и умывала раненых.

— Разрешите я вам помогу, вам ведь трудно, — говорила она и осторожно, с радостным волнением умывала родные лица. Ее трогательно благодарили.

Как Гулливер, стоял Гайдар, окруженный детьми, — широкоплечий, с орденом, опоясанный ремнем, с походной сумкой. Фуражка с красной звездой прикрывала выпуклый лоб. На круглом лице светло-голубые глаза.

— Видел я недавно двух мальчиков-героев, — говорил тимуровцам Гайдар. — Оставшись в селе, они выследили расположение вражеской части и ночью, пользуясь темнотой, испортили несколько мотоциклов, вынудили затворы у автоматов и перерезали провод полевого телефона. Их сведения дали возможность уничтожить весь немецкий отряд.

Помню, из воинской части прибыл боец, доставивший девятьсот писем фронтовиков, проживавших в Киеве. Связи уже не было. И тогда боец обратился в горком комсомола с просьбой помочь быстрее отправить почту адресатам. В горком вызвали 100 тимуровцев, и с их помощью все письма в течение одного дня были доставлены по назначению.

Фронт подходил все ближе к Киеву. Сильная немецкая группировка «Юг» стремилась захватить город и переправы через Днепр. Днем красавец-город был оживлен и деловит. Ходили троллейбусы и трамваи, на которых можно было доехать до передовой. Но голубое небо покрывалось оспинами немецких парашютистов-десантников, забрасываемых в тыл наших войск.

По призыву партии 160 тысяч киевлян построили три оборонительных пояса. 29 тысяч добровольцев, народных ополченцев, с ходу пошли в бой. В городе каждая улица строила свою баррикаду.

Однажды Гайдар беседовал с ранеными бойцами во дворе госпиталя. С ним были пионеры с цветами в руках. Я снял Гайдара киноаппаратом. Из-за воздушной тревоги Гайдар не разрешил мне продолжать съемку. Заснятую пленку с изображением Гайдара я вместе с другими киноматериалами об обороне Киева послал в Москву. Среди кинопленки, снятой фронтовыми кинооператорами, лежит где-то этот маленький ролик и ждет часа, когда его извлекут и продемонстрируют, чтобы еще раз встретиться с прекрасным, чутким, не умирающим в наших сердцах человеком.

В нашей фронтовой киногруппе была автомашина «эмка», которая подверглась обстрелу с самолета: пулемет перепоясал крышу и дверку пулевыми отверстиями. Своим неказистым видом машина всегда привлекала внимание. Как-то мы с Гайдаром ехали на этой «эмке» в Свято-

шино и на бульваре Шевченко столкнулись с грузовой автомашиной. У нашей «эмки» сильно помялось крыло и дверца. Теперь вид у нее был просто невозможный. По совету Гайдара, мы поехали ремонтировать ее в гараж такси, вблизи Голосеевского леса. Гараж находился во фронтовой полосе. Проезжаем вдоль опушки Голосеевского леса по шоссе и поглядываем на сельскохозяйственную академию. Сквозь верхушки деревьев видна крыша здания, на которой, мы знаем, расположились немецкие наблюдатели. У гаража стелется сладковатый дым. В огромном безлюдном помещении много брошенных неисправных такси. Мы выбрали подходящую автомашину и начали переставлять с нее на нашу крыло и дверцу. Среди зловещего гула войны странно было слышать мирные удары молота. Каждый громкий звук отдавался в голове и сердце... С наганом и гранатой в руках следил я за воротами и стеклянными окнами в потолке. Гайдар с шофером обновили нашу машину, и мы поехали дальше. Возле киностудии им. Довженко, на месте нынешнего массива жилых домов, был пустырь. Здесь, на минном поле, подорвалась корова, и смельчаки свеживали тушу. Издали слышны были взрывы бомб. Подъехали к Святошину... На дороге недвижно лежал ребенок лет четырех. Его тело было густо осыпано пылью.

На даче, куда мы приехали, допрашивали пленного эсэсовца. Здоровенный детина с закатанными рукавами закуривал нашу, советскую папиросу. Головорез вел себя нагло и развязно. Говорил о превосходстве немецкой армии, часто упоминал фюрера, утверждал, что сопротивление наше бесполезно. Аркадий Петрович разозлился. Он знал обстановку на фронте, хорошо понимал ход событий.

— Недавно я был в части, обороняющей мост, — сказал Гайдар. — Там, в районе Белогородки, немцы хотели с ходу переправиться через реку Ирпень, — их отбили. Подошли по западному берегу к Гореничам, снова пытались форсировать реку — и здесь их отбили. Наши механизированные корпуса окружают немцев и уничтожают их десятками тысяч. Застражи здесь и топчутся на месте соединения, которые немецкое командование предназначало для наступления на Москву. Мы убедились, что немцы боятся ударов нашей авиации, боятся огня советских пушек и пулеметов. Вот вам и превосходство! А раскудахтался фашист, как надутый индюк, потому что вы с ним очень уж вежливо обращаетесь, «Казбеком» угощаете.

Отсюда мы с Гайдаром поехали на передовую к реке Ирпень.

Внезапно дорогу преградили стволы огромных сосен противотанкового завала. Мы свернули в лес, в расположение воинской части. У реки Ирпень, протекающей в 15 километрах от Киева, заболоченная пойма, которая простирается почти на километр. На выстроенных киевлянами добротных оборонительных сооружениях проходил передний край обороны. Враг за рекой. Нужно узнать его расположение, численность. Разведчики, ходившие в ночной поиск за Ирпень, не добыли достаточных сведений. Днем же из-за большого количества сторожевых постов на западной стороне реки невозможно было пройти. Взрослых задерживали и не пропускали. Выхода не было, и Гайдар, тяжело вздохнув, предложил позвать на помощь детей. Брат и сестра, Саша и Марина, на которых остановился выбор, превосходно знали местность, тропинки в лесу, овраги, болота. У них были знакомые и в населенных пунктах. Саша и Марина могли без подозрения вернуться домой к матери, оставшейся в тылу врага, и собрать сведения о противнике. Аркадий Петрович сам готовил ребят к рейду в тыл противника. С болью в сердце, которую он всячески пытался скрыть от ребят, объяснял он детям, как с наименьшим риском выполнить задание, как запоминать увиденное. В темноте Марина с разведчиками перешла реку, а Саша, едва вступив в воду, испугался. Оче-

Ёдет папа на войну.
 За советскую страну.
 Мня папу поджидает
 Мня книжку прочитает.
 Всё узнает. Всё поймёт.
 Где и как живет народ?
 Сколько есть чудес на свете?
 Как и где играют дети.
 Как запытал „заяу белая“?
 Как изз и вайка слышь?
 Как из лесу из-за гор
 Ёхал дедушка егор....
 Мня книжку почитает,
 И о папе почитает.
 — ...Он в далёкой стороне
 Бьет вражеских на войне

Арн

Гайдар

90
июль 1941

«ЕДЕТ ПАПА НА ВОЙНУ...»

Стихотворение А. П. Гайдара, обращенное к дочери Жене. Написано на сборнике народных сказок «Гуси-лебеди» (М., 1941)

Автограф. Москва, 20 июля 1941 г.

Музей Революции СССР, Москва

видцы рассказывали, как Гайдар, который пошел в эту ночь вместе с разведчиками, уговаривал мальчика, хотел взять его на плечи и перенести. Но Саша пошел рядом с ним, осторожно, стараясь не шуметь. Разведчики доставили детей домой, а сами пошли в ночной поиск. Потом связные приходили ночью и получали в условленном месте сведения от Саши и Марины ².

Участие в ночном поиске дало Гайдару материал для создания полной юмора корреспонденции о бойце со взведенной гранатой в руках, в которую нельзя было вставить обратно предохранительную чеку. Эта корреспонденция под названием «Ракеты и гранаты» была последней корреспонденцией Гайдара ³. Первые три его очерка, посланные с киевского направления: «У переправы», «Мост», «Война и дети», пользовались и в армии, и среди населения Киева огромной популярностью. Номера «Комсомольской правды» с этими произведениями зачитывались до дыр.

Однажды мы поехали на левый берег Днепра. Над нами летали немецкие «мессершмитты» и «хейнкели». Стучали зенитки. В небе рвались снаряды, слышался вой истребителей, рев бомбардировщиков. По мосту мы шли пешком и, задирая головы, посматривали на небо. Сброшенные бомбы падали в воду, далеко от нас. После бомбежки рыбаки выезжали на лодках и вылавливали оглушенную рыбу. Со стороны города доносились раскаты артиллерийской канонады. Киев защищался.

Переpravившись через мост, мы поехали по направлению к Броварам. В стороне от дороги колхозники, остановив подводы, доили коров. Мы присели к костру. Молча смотрели старики и дети в огонь, вспоминая свой домашний очаг. Гайдар хитро замаскировал костер, чтобы его не было видно с самолетов. Перед нами поставили кружки и ведро вспененного, пахнущего травой, молока. Мы достали свежий хлеб и отдали его колхозникам.

На темном украинском небе, среди щедро рассыпанных звезд, двигались щупальцы прожекторов. Изредка вспыхивали искры разрывов. Далекий горизонт вдруг ярко краснел и мгновенно затухал. Сверчки вели свой несмолкающий разговор. В темноте медленно передвигались коровы, пережевывая сочную траву.

Аркадий Петрович быстро нашел общий язык с колхозниками, узнал имена сидевших рядом с нами мальчиков. Потом, помня наизусть почти все им написанное, рассказал сказку из «Военной тайны» о Мальчише по прозвищу Кибальчип.

Когда Гайдар закончил, мальчик Алеша сказал:

«Никак не могу я согласиться, что Мальчиш погиб. Я вот лучше сочинил свой конец такой. Наступала Красная Армия, выручили Мальчиша бойцы. Поблагодарили его за мужество, за то, что он стойко хранил военную тайну. Вернулся Мальчиш домой. Тихо на широких полях, на зеленых лугах, где рожь росла, где гречиха цвела, где в пене цветущих садов стоял домишко, где он с отцом да старшим братом жил.

Нет отца, брата тоже нет. Пошел Мальчиш в город, поступил в ремесленное училище и не сказал, кто он.

Долго искали Мальчиша. Ведь за храбрость, за сохранение военной тайны Советское правительство наградило его орденом. Никто не знал, где находится Мальчиш, и тогда прикрепили этот орден на знамя комсомола».

Аркадий Петрович обнял Алешу. Я не ручаюсь за точное воспроизведение слов Гайдара, но смысл их таков:

— Эх, друг... Думаешь, писатель волен распоряжаться судьбой своего героя? Нет, он, герой этот, живет в произведении самостоятельно. Сопротивляется, не хочет действовать вопреки тому, как и правда бывает в жизни. Разве мне хотелось посылать Мальчиша на смерть?.. Но ведь читателю не простили бы мне, если б я сочинил счастливый конец. Мальчиш поступил как герой. В том и величие и слава Мальчиша. Отдал Мальчиш жизнь за родину, и пусть это станет примером для всех⁴.

Расстался я с Гайдаром в первых числах сентября...

Москва. I Январь 1964

Абрам Наумович Козаков — в период Великой Отечественной войны оператор Центральной студии документальных фильмов, лауреат государственных премий — за фильмы «На Дугае» (1941) и «Сталинград» (1943). В настоящее время — пенсионер, инвалид войны.

¹ А. Н. Козаков имеет в виду городскую тимуровскую команду Киева, которую возглавляла Мария Теофиловна Боярская (подробнее о ней см. статью И. Тельмана «Команда Тимура». — «Комсомольская правда», 1957, 12 ноября).

² Из устного рассказа Козакова, записанного на магнитофон, известно, что с того вечера Марина и Саша регулярно прятали донесения в тайник. Как правило, сведе-

ния были ценными и точными. Писать о своих «крестниках» Гайдар по цензурным условиям не мог.

³ «Ракеты и гранаты» — последний очерк, напечатанный в «Комсомольской правде». Уже после гибели Гайдара в сборнике «Советским детям» (Детгиз, 1941) появилось обращение писателя: «Берись за оружие, комсомольское племя!»

⁴ Слова писателя, приведенные Козаковым, переключаются с известным письмом Гайдара ростовским пионерам, которые спрашивали, зачем в конце повести «Военная тайна» погиб Алька (т. 2, стр. 419).

2

И. Н. ПРУДНИКОВ

(Киев, 10 января 1963 г.)

Батальон вел тяжелые оборонительные и даже наступательные бои в составе полка и отдельно. Об этом в корреспонденции «Одна операция» в «Комсомольской правде» от 8 августа 1941 г. писал журналист Дворцов. Село А., упоминаемое в корреспонденции, — это село Андреевichi Житомирской области.

Аркадий Петрович также находился в моем батальоне, неоднократно принимал участие в боях и написал очерк «У переправы».

В районе села Устиновка (кажется, Чиповичский район Житомирской области) в июле 1941 г. ночью приказано было батальону выбить врага из этого села. Враг открыл сильный артиллерийский и минометный огонь; меня на рассвете контузило. С поля выносили меня ординарец Петр Кудряшев и А. П. Гайдар ¹...

Иван Николаевич Прудников — старший лейтенант, командир 2 батальона 306 полка 62 стрелковой дивизии, ныне — инвалид войны. О нем Гайдар писал в очерке «У переправы»: «Это самый лучший и смелый комбат самого лучшего полка всей дивизии» (т. 3, стр. 285).

¹ Прудников рассказывал нам, что Гайдар принимал участие во многих операциях батальона: ходил в тыл врага за «языком», вместе с бойцами отбивал натиск гитлеровцев и шел в атаку. Бой, о котором идет речь в письме, произошел в последний приезд писателя в батальон.

В устной беседе об упомянутом эпизоде Прудников сказал так: «Гайдар спас мне жизнь».

3

А. К. ОЛЬХОВИЧ

(12 сентября 1963 г.)

Я слышал по радио ваше выступление о работе Аркадия Гайдара во время войны и о тех, кто остался в живых <...> Вам близко знаком, наверно, Миша Котов ¹, корреспондент, он же живет в Москве, а также еще с ним был Володя ², не помню его фамилию, тоже из бригады «Комсомольской правды».

Но все разъехались, последние — это Миша Котов и еще один с ним улетели с аэродрома, а я остался с Гайдаром вдвоем.

Потом и нам с ним пришлось уехать из Киева (был на машине с нами еще один журналист), попали в окружение в г. Борисполь и там потерялись.

Я шофер машины, которая обслуживала военных корреспондентов. Моей машиной объездили многие места, где были близки взрывы бомб и мин... До сих пор остался у меня документ ³.

Извините за небрежность. Пишу в поезде, на ходу.

Александр Куприянович Ольхович — водитель грузовой машины 77-44, принадлежавшей военной комендатуре Киевского гарнизона. Машина обслуживала бригаду корреспондентов «Комсомольской правды». В настоящее время Ольхович — механик-бригадир пассажирского поезда.

¹ Михаил Иванович Котов — в то время корреспондент «Комсомольской правды».

² Владимир Георгиевич Лясковский — в то время корреспондент «Комсомольской правды».

³ Ольхович пишет о пропуске, выданном ему как водителю автомашины. Пропуск гласит: «Машина типа грузовик. Марка ГАЗ-АА. Военный номер ... Корпусное шасси 77-44, принадлеж. Управлению Коменданта Киевского гарн. Под управлением Олхоневич (в документе описка. — В. К.). Наряжена в распоряжение редакции «Комсомольской правды». Цель выхода — поездки бригады военных корреспондентов на позиции фронта. Командир (подпись неразборчива)».

На обратной стороне — штемпель о выдаче 30 кг бензина 9 сентября 1941 г. на бензозаправочном пункте № 2.

4

Е. Ф. БЕЛОКОНЕВ

<4 февраля 1964 г.>

В июле—сентябре 1941 г. я был военным комиссаром и представителем Военного Совета фронта на киевских переправах.

Перед отходом наших войск из Киева нами был получен приказ подготовить к взрыву киевские переправы через реку Днепр, которые было приказано взорвать после отхода частей 37 армии, оборонявшей Киев.

Первым был взорван понтонный мост в верхнем течении реки Днепр у Киева в урочище Наталка. После отхода основных частей армии были взорваны Петровский и Дарницкий железнодорожные мосты, а за ними — деревянный автогужевой Наводницкий мост.

Для отхода частей прикрытия и оставшегося населения Киева был оставлен цепной Бошевский мост.

Примерно за сутки до взрыва Бошевского моста к нам на КП пришел военный корреспондент Аркадий Петрович Гайдар.

Гайдар попросил разрешения остаться на КП и после взрыва моста вместе отходить на имевшейся в моем распоряжении автомашине, на что я дал согласие.

Я впервые встретился с А. П. Гайдаром и за время совместного пребывания увидел в А. П. Гайдаре советского писателя-большевика, пламенного агитатора и бесстрашного бойца за нашу Советскую родину.

Движение через мост становилось все меньше и меньше. Ввиду незнания обстановки, отсутствия всякой связи становилось опасным воздерживаться от взрыва моста и в то же время нельзя было преждевременно подорвать мост, тем самым не дать возможности переправиться через реку Днепр частям, которые еще не отошли.

Было необходимо попытаться разведать обстановку в Киеве, и вот при обсуждении на КП обстановки А. П. Гайдар попросил разрешения пойти ему в город разведать обстановку, попытаться узнать, есть ли в городе еще наши части и не вошли ли передовые подразделения немецко-фашистских войск в город.

Мы пытались отговорить А. П. Гайдара от этой опасной разведки; он настоял на своем, заявив, что ему как писателю нужно побыть и посмотреть своими глазами Киев перед вступлением в него немцев. Было условлено, что если нам придется внезапно взрывать мост, то Гайдар должен прийти севернее города в определенное место, и мы придем за ним катер, который у нас еще оставался.

А. П. Гайдар отсутствовал, примерно, 10—12 часов, вернулся уже поздно вечером, доложил, что никого из военных в городе он не видел и, по рассказам жителей, на окраинах города, где проходила оборона, наших войск уже не было.

Было принято решение мост взрывать утром, если раньше не вынудит к этому обстановка. С утра через мост прошло несколько человек, которые говорили, что в город зашла немецкая разведка.

ДОМ, ГДЕ В КВАРТИРЕ
А. К. ОЛЬХОВИЧА А. П. ГАЙДАР
ПРОВЕЛ ПОСЛЕДНЮЮ НОЧЬ
НАКАНУНЕ УХОДА ИЗ КИЕВА

Квартира Ольховича находилась
в полуподвальном этаже этого дома.

(Круглоуниверситетская, 15)

Фотография Б. Камова, 1964

Собрание Б. Камова, Москва

Дабы не дать возможности немецко-фашистским войскам захватить мост, был произведен подрыв моста. Таким образом, приказ Военного Совета фронта о своевременном взрыве всех переправ через реку Днепр в г. Киеве был выполнен.

После выполнения приказа группа оставшихся саперов во главе с начальником переправ выехала на грузовой автомашине, я с А. П. Гайдаром также выехал на имевшейся у меня автомашине в направлении Борисполя. Естественно, что мы были последними из военных, отходивших из Киева <...>

Евгений Федорович *Белоконев* — в то время старший политрук. В настоящее время — полковник запаса.

5

В. Д. КОРШЕНКО

<Киев>, 13 декабря 1962 г.

... 1. Встретился я с Аркадием Петровичем Гайдаром на юго-восточной окраине Борисполя 22 сентября 1941 г., примерно, в 13—14 час. дня.

Борисполь и его окрестности в то время представляли своего рода развороченный муравейник. Район Борисполя сильно был переполнен как военными, так и гражданскими людьми, выходящими из Киева, множеством военной и эвакуируемой из Киева техники.

Много было военных и гражданских начальников, трудно было определить, кто старше и за кем руководство и командование.

Усугубилась обстановка тем, что кольцо окружения смыкалось, артиллерийский и минометный огонь противника уже показывал явное

окружение, самолеты противника всё чаще и чаще безнаказанно появлялись над нами и бомбили нас. Мы к тому же были новичками в такой обстановке и не чувствовали твердого командования. Нам последовало приказание прорываться из Борисполя на юго-восток с частями 21 армии.

2. При выходе на дорогу, идущую на Rogozov — Pereyaslav, ко мне обратился военный, не помню, старший политрук или батальонный комиссар¹, на нем был пистолет, полевая сумка и автомат. Спросил, я ли «хозяин» машины М-1 и затем представился мне, что он корреспондент газеты «Комсомольская правда» и просил разрешения занять свободное место в автомашине.

Занять свободное место в машине я разрешил, но фамилии «Гайдар» в суматохе я не придал значения, хотя за месяц перед этим я прочел его книжку «Тимур и его команда».

3. Я занимался, вернее, пытался заняться, установлением связи с ротами своего 199 отдельного батальона связи 31 района авиационного базирования. В это время Гайдар спросил меня, есть ли у меня семья, остав ее и где она находится.

Когда он узнал, что у меня есть сын 1924 года рождения, он спросил имя его и где он учится, и когда я ему сказал, что он ученик Киевской военно-морской спецшколы, что зовут его Феликс, то Аркадий Петрович сразу сказал мне, что и его сын Тимур тоже ученик военно-морской спецшколы².

Узнав, что мой сын эвакуировался в Среднюю Азию, он сразу же начал подчеркивать необходимость счастливого выхода из вражеского окружения во имя встречи с сыновьями и победы над врагом.

Связь А. П. Гайдара со штабом 5 армии к этому времени была прервана, он пытался ее восстановить, но и от меня старался не отрываться <...>

4. При продвижении на Rogozov, а затем на Erkovtsy Гайдар брал под сомнение правильность нашего пути — уже было известно, что в Pereyaslave находился противник.

На северной окраине Erkovtsov фашистские автоматчики встретили нас огнем и криком: «Рус, бросай оружие, иди к нам». Пришлось спешиться, залечь и отстреливаться.

Свою машину в этой суматохе потеряли, а через 20—30 минут пересели на грузовик и повернули на село Skopcy, там залегли в боевые порядки и с частями 37 армии отбивались от врага.

В первую же ночь противник со стороны Барышевки и Rogozova наступал на Skopcy, прорывая линию обороны минометным и огнеметным огнем. За ночь Skopcy два раза переходили из рук в руки. В этой обстановке мы и закрепили наше знакомство и дружбу <...>

В беседе А. П. Гайдар, узнав, что я был участником гражданской войны, рассказывал мне о своих боевых эпизодах гражданской войны, высказывал уверенность, что кольцо окружения прорвем и не только выйдем из окружения, но и ликвидируем фашизм.

5. Присматриваясь, кто как ведет себя в трудной обстановке окружения, А. П. Гайдар на каждом шагу старался давать разумные советы, взывал к продумыванию каждого шага действий, утверждал, что противник хитер, но мы его должны перехитрить, перехитрим обязательно.

В ходе боев между Skopcami и Семеновкой, южнее Березани, в пойме реки Трубеж, нам пришлось вести борьбу не только с немцами, но и с трусами и предателями. Начали себя показывать нестойкие элементы, вызывающие к бегству, к переходу на сторону врага, к мирному обращению с противником — «не дразните противника, а то он всех нас уничтожит; не стреляйте по врагу, а то он ответным огнем всех нас уничтожит».

Аркадий же Петрович на каждом шагу твердил:

— Чтобы враг нас не уничтожил, надо его уничтожать полностью и целиком, чтобы не лез на нашу священную землю.

Говорил:

— Стреляй по врагу только прицеливаясь, чтобы патроны зря не пропадали.

Тут же А. П. Гайдар подчеркивал, как в тылу врага беречь нужно патроны, чтобы каждая пуля разила врага.

Сидим мы как-то на островке заболоченной поймы реки Трубеж и вдруг видим, как немцы по болоту бредут к нам, так с сотню их было. Доложили сидевшему в щели майору. Он приказал приготовиться к открытию огня, хотя немцы были в 500 метрах от нас. Но тут же сержант-пограничник начал настаивать, чтобы огня не открывали, пока немцы не подбредут на 100 метров. Гайдар настоятельно поддержал пограничника. Немцы были уничтожены.

Тогда Гайдар сказал: «Попали мы в это кольцо потому, что много у нас командиров еще необстрелянных, но мы здесь воюем и учимся и разгромим врага, потому что скоро у нас полками и дивизиями будут командовать сегодняшние сержанты и лейтенанты»³.

Такой вывод А. П. Гайдар сделал потому, что он остался недоволен поведением командарма 21, генерала Власова, оказавшегося впоследствии предателем⁴.

За время с 22 сентября <...> трудных минут у нас было много. Мы с Гайдаром все дни были вместе. Но я чувствовал, что Гайдар меня оставит. Он часто меня упрекал в горячности, в торопливости, в неосторожности. Говорил: «Нам с вами нужно будет еще встречаться на пиру Победы, а вы ведете себя так, что сложите голову ни за понюх табака. Помните всегда о победе над врагом, о своем сыне, о предстоящих больших делах».

6. На лугу у села Студеники мы нашли прячущегося колхозного активиста с мальчиком. Мальчику было 12 лет. Активист прятался от немцев. Гайдар приглашал колхозника с мальчиком к нам. Говорил: «Мальчик будет связным и разведчиком». Но отец не пошел с нами. Мальчик тоже.

7. На опушке леса между селами Помокли и Соснова мы встретили группу матросов из Днепровской <военной> речной флотилии. Их было человек 30. Они говорили, что есть у них вторая подгруппа, что они сейчас не собираются выходить из окружения, а решили партизанить в приднепровских лесах и плавнях. Среди них были люди и молодые и постарше нашего.

Эти днепровские моряки и планы их Гайдару понравились, и он начал меня склонять тоже на партизанскую деятельность в Приднепровье. Но я ведь шел не сам, а с группой около 400 человек, старшим группы был бригадный комиссар Моторный. <...> Мы выполняли приказ командования Военно-Воздушных сил Юго-Западного фронта выходить на соединение с фронтовыми силами.

Мне лично жалко было расставаться с А. П. Гайдаром, но я должен был пойти во главе своего батальона, так как командир батальона был ранен и увезен в госпиталь, да и задача моя состояла в соединении с силами фронта, а Аркадию Петровичу Гайдару можно было выбирать: идти с нами на соединение с силами фронта либо в приднепровские плавни и леса партизанить. Вот он и выбрал <...> Из нашей группы осталось с матросами, кроме А. П. Гайдара, еще три человека. Фамилий и судьбы их я не знаю...

Виктор Дмитриевич Коршенко — батальонный комиссар 199 отдельного батальона связи 31 района авиационного базирования. В настоящее время — пенсионер.

¹ Никакого воинского звания в 1941 г. Гайдар не имел, так как незадолго перед войной по состоянию здоровья был снят с военного учета.

² Тимур Гайдар с детства мечтал о флоте, но в 1941 г. поступить в военно-морскую спецшколу ему не удалось. Лишь позднее он был зачислен прямо на III курс военно-морского подготовительного училища.

³ Эпизод изложен в письме не совсем точно. Как выяснилось, до личной встречи с автором настоящих строк Коршенко не рискнул описать в точности все случившееся. На самом деле, когда близ острова появились немцы и сержант-пограничник отдал приказ приготовиться к бою, майор скомандовал: «Отставить». Бойцы растерялись. Тогда сержант выстрелом из винтовки убил предателя. И Гайдар действительно подержал сержанта в этом решительном поступке. Полностью рассказ об этом случае записан нами на магнитофон (см. также главу «Случай на острове» в нашей книге «Партизанской тропой Гайдара». М., «Детская литература», 1965).

⁴ Генерал Власов, позднее изменник Родины, командовал тогда не 21, а 37 армией.

6

А. Д. ОРЛОВ — Л. Л. СОЛОМЯНСКОЙ и Т. А. ГАЙДАРУ

(г. Чкалов), 9 декабря 1942 г.

Мои дорогие Лия и Тимур!

Шлю привет!

В начале августа я послал вам ответное письмо на две телеграммы и открытку, получили ли вы его?

Все старался как-либо поехать в Москву, и все не удается, чтобы видеть вас и все рассказать и поговорить с вами.

Сами понимаете, что сообщить в письме все, что было, нельзя. Уверен я, что любой из видевших и знавших Аркадия Петровича тогда, когда мы были с ним вместе, скажет вам о нем лишь сердечное.

Для меня лично не было лучше, надежнее, исполнительнее человека в трудные минуты, чем он. Это человек исключительной честности, сердечности и отваги. Прошу об одном, мои друзья, может быть слух есть какой-либо о нем.

С моего разрешения, спросив моего совета и с желанием он остался там... 18.10.41 (где, как, при каких обстоятельствах — неудобно писать).

Думаю я, что как-нибудь все ж попаду в Москву и все вам сообщу — рад буду это сделать ради памяти друга и милого человека.

После того как он ушел к партизанам, я с группой кавалеристов пытался пробиться, вновь вернулся после боя ¹ в этот район, но его уже не видел, как и прочих из партизанского отряда, так как там шел бой — в этом месте с карательным отрядом «СС».

Я горд сознанием того, что у меня, в моей группе, в долгие дни наших мытарств там, он был моим помощником и другом.

Будем надеяться, что он жив и мы увидим его ². Подробности и все обстоятельства не писал вам из-за понятных причин, а надеюсь как-либо видеть и расцеловать вас, моих друзей.

Ваш полковник А. Орлов

Если можно, черкните мне поскорей.

Александр Дмитриевич Орлов — начальник штаба 36 авиационной истребительной дивизии. После оставления Киева советскими войсками возглавил группу окруженцев, которая с боями выходила из кольца. В настоящее время — полковник запаса.

Летом 1942 г. в Москву, в Союз писателей, пришла открытка полковника Орлова. Он сообщал, что располагает сведениями о Гайдаре, с которым провел несколько недель в сложной боевой обстановке, а затем расстался.

Ему тут же ответили первая жена Гайдара Лия Лазаревна Соломянская и Тимур Гайдар. Но второе письмо Орлова, отправленное в августе, затерялось в дороге. Пись-

Роднунчик! Я тебе здоров.
 Наши войска сражаются хорошо.
 Бой, как ты сама знаешь, был
 упорный и напряженный у войск
 и у народа твердое.

Хорошесенько, если сейчас от
 меня не будет долго пачка
 ты не беспокойся. Это просто
 значит что далеко идти не могу.
 Пожелай от меня здоровья — тебе
 и всех. Со мной пока остались
 только один Зор, при одном
 обещании вместе проехать на Украину.
 Который ты собираешься для меня
 так забавливо. Ну да ничего —
 поеду и буду. Письмо мне по прежним
 адресу — и жди с опущением на
 письмо мое до меня дойдут. ☆

Очень крепко тебя дорожно желаю
 твой Аркадийка. (с)

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО А. П. ГАЙДАРА К ЖЕНЕ — Д. М. ГАЙДАР

Киев, середина сентября 1941 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

мо от 9 декабря 1942 г. явилось новым ответом на несколько посланных ему телеграмм, оно пришло в конце декабря 1942 г. После этого все направленные Орлову телеграммы и запросы о нем возвращались с неизменной пометкой: «Выбыл в неизвестном направлении».

Попытки отыскать Орлова после окончания войны тоже ни к чему не привели. Возникло предположение о его гибели, со временем перешедшее в уверенность.

В 1962 г. автор публикации узнал, что после войны полковника встречали в Киеве. Был сделан запрос в офицерский отдел Киевского горвоенкомата, откуда немедленно прислали его адрес. В декабре 1962 г., ровно через 20 лет после первого письма Орлова, было получено его новое письмо.

«С большим желанием откликаюсь на вашу просьбу — рассказать об Аркадии Петровиче, — писал Орлов. — Память о нем, мужественном, славном человеке, товарище и воине, мне особенно дорога».

¹ Орлов имеет в виду бой у лесопильного завода.

² Хотя Орлов вернулся в район Ленявы в конце октября 1941 г., о судьбе Гайдара он узнал лишь много месяцев спустя уже на Большой земле.

А. Д. ОРЛОВ

〈Киев〉, 6 февраля 1963 г.

... Вы как-то спрашивали: как попал Аркадий Петрович ко мне в группу, как я его узнал?

Это случилось еще в Киеве, кажется, в последних числах августа¹ в оперативной группе командного пункта Военно-Воздушных сил Юго-Западного фронта, где познакомили меня с ним.

Ездил я с ним в 42 авиаполк, в дежурную эскадрилью и еще на аэродром, в эскадрилью воздушной засады капитана Солдатова. Помню, случилась бомбежка, Солдатов ушел в воздух и... не вернулся. Аркадий Петрович был потрясен этим обычным у нас в ВВС событием...

Присоединился он к моей группе где-то (уж не помню точно)² после того, как мы «выскочили» из непосредственного окружения в районе Киева и шли в направлении Полтавы, думая, что фронт, возможно, где-то в том направлении <...>, так как строго на востоке мы были уже окружены, еще находясь в Киеве, 11—12 сентября (а ушли мы из него 18 сентября) и при прорыве группы во главе с командующим фронтом генерал-полковником Кирпоносом погибла почти вся группа в 500 человек (примерно 22 сентября).

Я уже писал: был Гайдар смелым и мужественным человеком, почти всегда в бодром настроении, всегда вызывался пойти вперед в разведку, «заарканить», как он говорил, где-нибудь на дороге мотоциклиста (что и случилось, кстати говоря).

Но были периоды в его состоянии, когда он был мрачен, порой резок и упрям, но это проходило быстро, и вновь Гайдар был самим собой, т. е. общительным, славным товарищем.

Эта неуравновешенность, видимо, шла от его болезни нервного порядка.

Прочно в нем укоренилась, я бы сказал, какая-то романтика времен гражданской войны. Он с восторгом говорил о кавалерийских атаках времен войны с Польшей в 1920 г. Ему всё грезились набеги, налеты, засады, в общем не скучная, не окопная война, а лихие партизанские действия...

Собеседник он был неистощимый, когда был в настроении. Всегда все старались быть поближе к нему.

Рассказывал о гражданской войне, о литературе, знакомстве своем с писателями; читал свои очерки и, что интересно, как будто читал по написанному (видимо, это свойство его памяти, что ли?).

Так вот мы и шли в поисках фронта. Часть товарищей уходила самостоятельно, группами по два-три-четыре человека. Шли ли они к фронту или оседали в селах, кто знает. Много было всякого... А наш костяк, командиров 15—20, и Аркадий Петрович добрались до леса у Днепра, до деревни Озериче, примерно, в начале октября³.

Далеко на подходе мы уже выяснили, что в лесу у Днепра стоят партизаны. Эту весть принес первый наш постоянный разведчик Гайдар А. П. Стоял на посту, увидел конного мужчину, остановил и привел к нашей остановке. Оказался некто Погорелов⁴, заместитель командира отряда Горелова, и связь была с партизанами установлена.

О фронте они <партизаны.— Б. К.> ничего не знали. Мы решили сделать остановку, были измучены, были и больные, один товарищ раненый. Некоторые товарищи стали проситься в партизанский отряд и, конечно, Аркадий Петрович. Я ему не советовал этого делать.

Горелов при встрече со мной сказал, что ему очень нужен Аркадий Петрович, так как он корреспондент и был бы хорошим помощником

писать обращения, воззвания, листовки к населению и вообще вел бы историю отряда. Я ему ничего не обещал.

Вдруг через два-три дня заводит разговор сам Аркадий Петрович и прямо с заявления, что он уходит к Горелову... Я отказал. И тут-то открылась истина: он мне говорит, что он не военнообязанный, а бело-билетчик, что уволен по болезни из армии, что он вообще болен и т. д.

Это для меня было откровением, так как никогда ранее о своей болезни он не заявлял; что он не военнообязанный я тоже не знал, думая, что, как почти все военные корреспонденты, он призван в армию и ему просто не успели присвоить звание.

Мне оставалось развести руками и перейти на уговоры о трудности, рискованности положения партизан, о том, что он нужен фронту больше и т. д. в этом духе.

«Я здесь больше найду материала для себя, да еще самолично буду бить фрицев, а на фронте мне не будет дано этой возможности».

Зная непреклонный характер Аркадия Петровича <...>, я прекратил разговор.

Вот так и ушел Гайдар А. П. в надежде совершать подвиги, бить врага своими руками, а не только талантом писателя.

Безусловно, для Горелова иметь в составе отряда корреспондента, да еще такого, как Аркадий Петрович, было находкой, тем более, что надо было заниматься ведением агитационной пропагандистской работы среди населения, ибо немцы с приходом на Украину сначала, в известном роде, подлаживались к населению. <...>

И мне известно, что Аркадий Петрович сразу же занялся составлением писем-обращений к населению. Мне он читал их, когда я навещался в отряд Горелова.

Написаны они были метко и лаконично: проза перемежалась со стихами.

Он эти листовки и носил по определенным адресам в окрестные деревни.

Знакомство Аркадия Петровича с жителями деревень Озерище, Хоцки, Германова хутора, Леплявы было обширное.

Он исключительно быстро осваивался среди людей и завоевывал их расположение. Когда мы остановились в лесу, в домике лесника (в трех километрах от лагеря Горелова), было трудно с питанием. Пока шли, то попадались лошади «бесхозные», мы стреляли их и питались кониной, и было сравнительно сносно. А в лесу, кроме нас и до нас, были отдельные группы окруженцев, и нигде ничего нельзя было достать... Здесь-то много и выручал Аркадий Петрович всю нашу группу.

Героики в этом никакой, казалось бы, но люди измучены и голодны, надо помочь!

Просить помощи у партизан было неудобно, так как сами они были на голодном пайке и, кроме нескольких пар белья да двух-трех кило сахара и леденцов, дать нам ничего не могли.

Аркадий Петрович был безотказен! Он заменит товарища в ночном дежурстве, он добудет проводника для группы майора Алферова⁵, тов. Ивкина⁶ и др. Он всегда рвался сходить разведать что надо и т. д.

По натуре своей Аркадий Петрович был очень отзывчивый, добрый человек. Для молодежи и малышей он был особенно притягателен, с ними у него сразу находился общий язык, и где бы он ни был, сразу же приобретал маленьких приятелей, для которых у него всегда готова была к рассказу увлекательная история или «консультация», как сделать «вечный» волчок или смастерить какую-нибудь сверхособенную рыболовную снасть.

Как-то поправился ему мой перочинный нож, у которого была масса лезвий, шило, ножницы и т. д. Заметив его восхищение, я презентовал ему ножик, и вдруг через день-два понадобился мне нож проткнуть шилом ремень. Я попросил у Аркадия Петровича.

Бедняга Аркадий Петрович краснеет, мнется и шепчет на ухо, что подарил он ножик одному курносому приятелю из Озерича восьми лет от роду и что его зовут тоже Сашко и поэтому я не должен сердиться.

Так было и с запасом цветных карандашей и даже с карманными часами. О последней утрате он «убедительно» заявил, что на нашу группу хватит мозеровских моих.

Я уже писал, что как-то мы получили от тов. Горелова несколько кило сахара и карамели, пар пять белья и несколько шапок-ушанок.

Все блаженствовали, пили сладкий «чай» — кипяток, в такие моменты Аркадий Петрович обычно пускался в шутливые рассуждения о необходимости воздержания от сладкого и обилия жидкости, что это вредит организму и портит фигуру. А начинал он обычно с любимой поговорки «Что мы видим на этой картинке?» и далее отвечал: «Мы видим, как группа закаленных в боях и походах воинов дует подогретую болотную воду с карамельками производства киевской артели имени товарища Бебеля».

А как-то вечером является Аркадий Петрович с буханкой свежего хлеба и глечиком меда. Как потом я дознался, этот «хозразворот» стоил ему пары белья.

Перед уходом моей группы к фронту он договорился с М. И. Швайко о том, чтобы проводить нас, тепло простился (слезы на глазах были), настроенье у него было очень тяжелое, вид измученный. Писал прощальное «письмо-напутствие» Тимуру Аркадьевичу красным карандашом с тремя звездами. Просил меня взять еще два очерка: один о летчике моей дивизии, который таранил самолет противника над железнодорожным мостом (в начале августа он этот случай наблюдал, будучи в дивизионе противовоздушной обороны); другой — о шестерых советских гражданах, связанных проволокой и утопленных в пруде в одной из деревень близ Киева.

Но ни то, ни другое взять было нельзя, так как моей группе надо было идти в неизвестное. И на самом деле — пронести это через 640 километров территории, среди немецких гарнизонов и войск, через фронт было маловероятно. И письмо и очерки вряд ли были бы получены теми, кому они предназначались⁷.

Единственные вещи — память об Аркадии Петровиче — остались у меня: мундштук да кожаный портсигар и еще запальная дощечка от гранаты с его надписью...⁸

Борис Николаевич! Я понимаю, что для радио и печати надо что-то этакое героическое, но вы видите: его как будто и нет в моих описаниях о нас и Аркадии Петровиче.

Но согласитесь с тем, что само по себе его стремление к подвигу, любовь к людям, его яркие рассказы о Родине — ведь все это и есть подвиг в той обстановке...

И вот еще что, Борис Николаевич, если авторы будущего сборника⁹ будут писать, упоминая обо мне и моих товарищах, поясните им, что у полковника Орлова не было отряда в уставном понимании.

Единственный раз как-то, не то в «Звезде», не то в другом толстом журнале, я прочел в 1955—1956 гг. о гибели Аркадия Петровича, где упоминалось и обо мне и... моем «отряде».

Это неверно. Отряд с точки зрения военной, уставной, это нечто вроде части с подразделениями и вооружением по штату. А мы из себя пред-

«ХРАБРОЕ СЕРДЦЕ»

Первое отдельное издание военных очерков А. П. Гайдара «Мост» и «Ранеты и гранаты». М., Детгиз, 1945
Обложка

ставляли группу тех, кто настойчиво пытался пробиться к своим, имея при себе пистолеты и, как я помню, один автомат.

Группа состояла из смелых, славных товарищей. Были там работники НКВД, политработники, и я как старший по званию возглавлял всю группу.

Когда дрались, чтобы выйти из непосредственного окружения, группа была человек в 50—70, а уж когда не стало возможности двигаться группой, пошли отдельными группками в 10—15 человек и наконец остался костяк в пять-шесть человек, в том числе был и Аркадий Петрович, да и он остался у Горелова...

И вот я пишу вам эти записки неделю, волнуясь, и сказал только малую часть <...>

¹ Встреча могла произойти только в первых числах сентября, так как до 30 августа Гайдар находился в Москве.

² По рассказам Орлова во время бесед с автором этих строк, встреча произошла в лесу близ села Семеновка.

³ Село Озериче находится в нескольких километрах от Леплявы. Летом 1963 г. колхоз «Днипро» в селе Озериче переименован в колхоз им. А. П. Гайдара.

⁴ Александр Погорелов — работник Гельмязевского райкома партии. Дезертировал из партизанского отряда 18 октября 1941 г. и донес в немецкую районную комендатуру о том, где находится отряд. Является прямым виновником разгрома партизан в бою у лесопильного завода.

⁵ Майор Алферов — начальник связи ВВС 5 армии. Дальнейшая судьба его не установлена.

⁶ К. П. Ижик — секретарь киевского подпольного горкома партии. Арестован гестаповцами в июле 1942 г. и замучен.

⁷ Очерки «Во имя Родины» и «Варвары XX века» пропали после гибели Гайдара вместе с его сумкой.

⁸ Здесь неточность: запальная дощечка не от гранаты, а от бутылки с горючей смесью. Вещи Гайдара и его последний дошедший до нас автограф подарены полковником Орловым автору публикации.

⁹ Орлов имеет в виду сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», выпущенный издательством «Детская литература» в 1964 г., где поначалу предполагалось опубликовать новые материалы о Гайдаре и его подвиге в дни Великой Отечественной войны.

8

М. Д. ПЕНЦАК — А. П. ГАЙДАРУ

(г. Чапаевск), 7.8.42

Дорогой товарищ Гайдар ¹.

Вы наверно еще не забыли нашего отряда, который вырвался из окружения. Я хотел узнать, как вам дорога перешла, я считаю, что вы пришли к нашим в наилучшем порядке. Я имею очень много рассказывать о моем переходе, который я перешел. Прошу писать мне ответ чем быстрее. Мой адрес следующий: город Чапаевск, Куйбышевской области. Рабочая строительная колонна 667, п. я. № 75, Пенцак М(ихаил) ² Давидович, 4 рота.

Вы наверно еще помните, как мы были у партизан, командир нашего отряда был полковник Орлов Александр Дмитриевич, я как повар и переводчик тоже участвовал в этом отряде ³. Прошу ответить, извиняюсь за ошибки.

Михаил (?) Давидович Пенцак — уроженец Западной Украины. Судьба его неизвестна.

¹ Письмо прибыло в Союз писателей.

² Имя Пенцака на сгибе письма стерлось, и потому читается предположительно. Все запросы, направленные в дни войны по указанному адресу, остались без ответа.

³ Пребывание Пенцака в группе А. Д. Орлова подтверждается Орловым.

9

А. А. ШВАЙКО

(г. Львов), 24 июня 1963 г.

...Аркадий Петрович так же, как и другие, пробирался лесом с товарищами, усталый, измученный <...>. Муж их встретил в лесу. Он как раз шел лесом домой из села Озерище. Привел их к нам. Обогрели мы их, обсушили, накормили. Оказали помощь всем.

На утро восемь человек ушли, а Аркадий Петрович и еще один солдат остались у нас потому, что были больны. Три дня мы их держали у себя, оказывали помощь <...>, вот так мы и познакомились с Аркадием Петровичем, и он стал нашим другом. Подружился с моими сыновьями, студентами педучилища ¹.

Аркадий Петрович часто к нам приходил, просил мужа больше доставать продуктов, чтобы можно было покормить и проходивших наших военных. Часто он сам ездил ночью с моим мужем и сыновьями в села Озерище и другие за продуктами и всегда доставали всё, что нужно. Он рассказывал сыновьям, как он раньше воевал, где он бывал, и всё говорил:

— Ребята, кончится война, я напишу о вашей семье книгу, всё опишу, что ваша семья сделала для отряда и наших солдат, попавших в окружение. Если только останемся живы, где бы я ни был, вы, ребятки, всегда будете возле меня.

И просил, что если с ним что-либо случится, кто из нас останется жив, написать обо всем его походе в Союз советских писателей в Москву,

также написать его жене и родственникам. Адрес он у нас оставил ². Это было 18 октября, а больше он к нам не приходил, потому что полиция начала заглядывать к нам уж слишком нагло. <...>

Очень многие бывали в нашем доме, и мы всем им оказывали помощь. <...>

Об Аркадии Петровиче еще много можно было бы написать, ведь таких людей, каким был Аркадий Петрович, трудно теперь встретить...

Анна Антоновна Швайко — жена лесника. Вместе с мужем Михайлом Ивановичем оказывала большую помощь партизанам и окруженцам (см. письмо полковника А. Д. Орлова).

¹ Старший сын, Василий, летом 1941 г. закончил педагогическое училище, а младший, Владимир, перешел на II курс того же училища. Оба были комсомольцами.

² После освобождения Полтавской области от гитлеровцев А. А. Швайко выполнила просьбу Гайдара и написала в военную комиссию Союза писателей о его гибели. В Союз писателей пришло письмо и от Володи Швайко. Он был угнан фашистами в Германию, затем служил в Советской Армии, но не имел вестей из дому, так как семья в дни оккупации, боясь преследований за помощь партизанам, переехала на другое место.

10

З. М. БУГАЕВ

(г. Александрия, ноябрь 1962 г.)

...На второй день, примерно, во второй половине дня, прибыла в отряд группа военных во главе с полковником Орловым (начальником штаба 36 авиационной дивизии), с которым были подполковник войск НКВД тов. Александров ¹, капитан особого отдела тов. Смирнов ², писатель Гайдар, начальник областного управления милиции г. Житомир, фамилии не помню ³, и три девушки, которых фамилий тоже не помню <...>

Аркадий Петрович по прибытии в партизанский отряд был очень задумчив, и мне лично у костра (с одной стороны на бревне сидел Гайдар, на другой стороне сидел я) пришлось разговаривать с ним.

Я спросил: «Какой части?» Он подумал, потом ответил: «Я корреспондент „Комсомольской правды“, находился в 37 армии». Я ему задал второй вопрос: «Какую же вы, Аркадий Петрович, напишете книгу, как выйдем из окружения?» Он немного подумал и ответил: «Напишу, как 37 армия попала в рай» ⁴.

После нашего знакомства я лично с Гайдаром ходил на задания по приказанию командования партизанского отряда. Например, командиром и комиссаром партизанского отряда мне было поручено быть пропагандистом в отряде. Лучшая информация была — это полученная сводка по радио, но радиоприемник перестал работать, надо было достать питание для радиоприемника. А. П. Гайдар предложил пойти ночью в село и достать питание, и мы, четыре человека, взяли ручной пулемет Дегтярева, которым хорошо владел А. П. Гайдар, и три автомата и пошли в село, расположенное от отряда в 7—8 километрах.

Когда мы подошли к селу, А. П. Гайдар предложил одному остаться на улице, а нас три человека зашли в дом. В доме, кроме хозяина и хозяйки, было несколько человек молодежи разных возрастов. После наших расспросов нам предложили покушать молока, в то время А. П. Гайдар занялся разговором с присутствующими <...> Присутствующие внимательно слушали Аркадия Петровича и помогли нам достать питание для радиоприемника <...>

Должен сказать, что Аркадий Петрович Гайдар — скромный, общительный товарищ <...> В тяжелый момент в партизанском отряде он подымал дух среди партизан, вырабатывал в них патриотизм к нашей Отчизне <...>

Захарий Максимович *Бугаев* — комиссар 425 батальона аэродромного обслуживания. Ныне — председатель завкома сахарного комбината.

¹ Андрей *Александров* — подполковник (или полковник) НКВД. Был бойцом партизанского отряда. В лагерь близ села Леплява пришел не с группой Орлова, а самостоятельно. Казнен немцами в г. Золотоноша.

² Н. В. *Смирнов* — капитан НКВД. Судьба его неизвестна.

³ Начальником областного управления милиции г. Житомира был Долгов. Приказом НКВД СССР от 1 марта 1942 г. исключен из списков личного состава как пропавший без вести.

⁴ В своем ответе Гайдар перефразировал название произведения Демьяна Бедного «Как четырнадцатая дивизия в рай шла» (1923—стихотворная сатира, 1932—пьеса).

11

Д. С. ВАЧЕНКО

⟨12 февраля 1963 г.⟩

Я хорошо знаю писателя тов. Гайдара, я был для тов. Гайдара близким товарищем. Я был рядовым бойцом, часто с ним беседовал. Он меня уважал. Я ему часто, бывало, грею в ведре воду, чтобы была тепла помыться тов. Гайдару. Я ему помогаю помыться, и я, бывало, даю ему вопросы про войну, чи долго ли она будет, то тов. Гайдар отвечает на все мои вопросы, что война может быть три-четыре года, но победа будет наша. За ход войны запишем в «Молнию», напишем большую книгу ¹.

Тов. Гайдар был рядовым бойцом, героически участвовал на боевых участках, на центральных дорогах, где проходили немецкие оккупанты, вместе с отрядом уничтожали немецкие машины и немцев, уничтожили двух немецких офицеров, и, конечно, наша была большая ошибка, что мы не закопали трупов и бросили на месте боя ². И после этого боя немцы обнаружили эти трупы, то сейчас же забрали всю полицию с двух районов, Гельмязевского и Переяславского, и на третий день после уничтожения нами немцев, был разгромлен наш отряд в октябре 1941 г.

Когда немецкие оккупанты разгромили наш отряд, по команде начальника отряда тов. Горелова начали отступать, то первый взвод ⟨...⟩ отступал по направлению села Озериче ⟨...⟩, а наш взвод, второй, отступал по направлению села Леплява. Отважный боец был тов. Гайдар А. и дрался до последней минуты ⟨...⟩ ³.

После боя мы отступили в село Леплява, отступили тов. Горелов ⁴, Гайдар, Александров ⁵, Никитин ⁶, Ваченко Д. С., Лысенко М. ⁷, Бутенко Т. ⁸ и шесть человек военных.

В селе Леплява выпросили в Степанцовой семье ⁹ хлеба да сала, сделали перехватку и разошлись кто куда по разным направлениям ⟨...⟩

12.II.1963

Денис Семенович *Ваченко* — активный участник Октябрьской революции. Перед войной — председатель сельсовета в селе Каленики Гельмязевского района. В настоящее время — пенсионер.

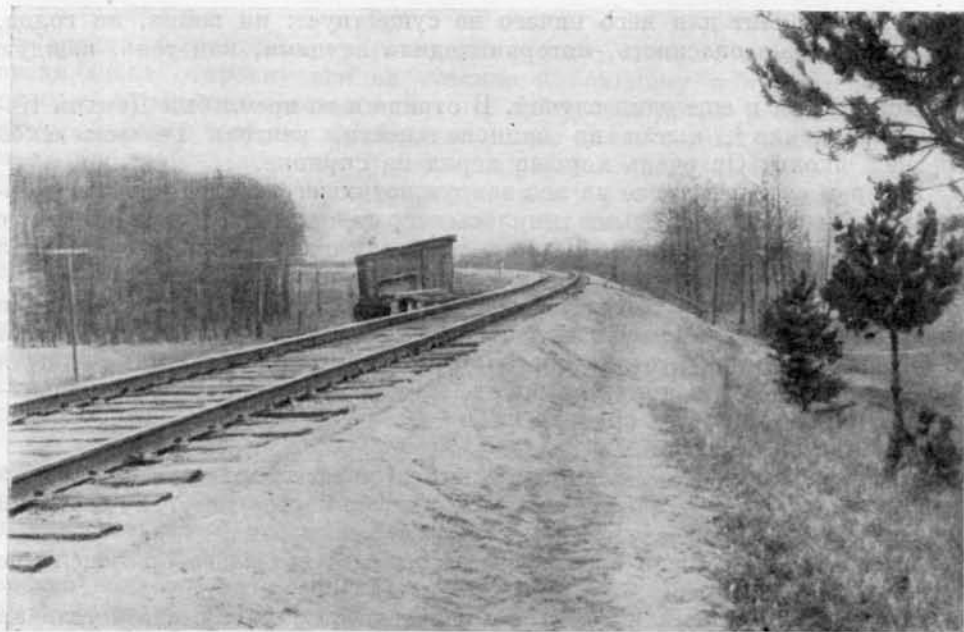
¹ По свидетельству Д. С. Ваченко и Т. Ф. Бутенко, Гайдар называл книгу, над которой работал: «Блискавка», т. е. «Молния».

² Ваченко упоминает операцию, которая была проведена 19 или 20 октября 1941 г. Группа партизан, в их числе Гайдар и Ваченко, подбила на дороге легковую машину, в которой ехало два офицера. Один из них оказался полковником, военным комендантом Переяслава. Партизаны не успели убрать с дороги трупы и уничтожить машину, так как появился грузовик с гитлеровскими солдатами.

Ваченко рассматривает эту невольную оплошность как главный повод, побудивший немцев разгромить отряд, упуская из виду другое обстоятельство — дезертирство и предательство одного из партизан — Александра Погорелова.

³ Во время отступления отряда в бою у лесопильного завода Гайдар прикрывал отход товарищей огнем своего ручного пулемета. См. также письмо И. С. Тютюнника.

⁴ Федор Дмитриевич *Горелов* — секретарь Гельмязевского райкома партии, командир партизанского отряда. После поражения отряда в бою у лесопильного завода вместе с Александровым и Никитченко пробирался к линии фронта. В хате Надежды

МЕСТО ГИБЕЛИ А. П. ГАЙДАРА

Железнодорожное полотно и будка путевого обходчика на окраине села Леплява
(Черкасская область, Каневский район)

Фотография Б. Камова, 1962

Собрание Б. Камова, Москва

Гонтар на хуторе Малинившина Гельмязевского района 3 ноября 1941 г. был выдан немцам. После жестоких пыток казнен в г. Золотоноша.

⁵ См. прим. 1 к письму З. М. Бугаева.

⁶ Здесь у автора письма ошибка. Фамилия этого партизана *Никитченко*. Он был секретарем Сквирского райкома партии Киевской области. Казнен вместе с Гореловым.

⁷ Марк Прокофьевич *Лысенко* — заведующий Гельмязевским райсобесом, боец партизанского отряда. Расстрелян фашистами.

⁸ Тарас Федорович *Бутенко* — директор школы, боец партизанского отряда. В настоящее время — персональный пенсионер.

⁹ Имеется в виду хата партизана Андриана Алексеевича Степанца в селе Леплява.

12

М. М. ДЕНИСЕНКО

(г. Уяр, Красноярского края, 20 июня 1963 г.)

... Участвовать в операциях мне почти не приходилось. Моя задача была ходить в разведку. Это мне удавалось лучше других, на детей меньше обращали внимания (...), и мне не составляло трудностей ходить ночами по степи или лесом.

А. П. Гайдара я много раз видела в отряде (...). Он мне запомнился со всеми подробностями, особенно когда работал, а работал он всегда: и утром рано, и до поздней ночи, и целый день и, как правило, забывал даже покушать.

Светло-серые с голубизной, удивительно большие глаза устремлялись куда-то вдаль без единого движения, и чувствуется, как усиленно работает голова, вернее, мозг, и переносят руки труд в блокнот средней величины, средней толщины, как обыкновенная тетрадь в 100 страниц.

В этот момент для него ничего не существует: ни война, ни голод, ни холод, даже опасность, которая ходила за нами, как тень, каждую минуту.

Запомнился и еще один случай. В отряде в то время был Демьян Костович Буденко¹, цыган по национальности, учитель Гельмязевской средней школы. Он очень хорошо играл на скрипке.

Вечером сидели многие из нас вокруг потухшего костра, только чуть-чуть маленькая струйка дыма тянулась кверху, и думали каждый о чем-то своем и не очень веселом. Демьян Костович взял скрипку и заиграл мелодии одна другой грустней.

Тут был и Гайдар. Когда закончил играть скрипач, люди попросили <Аркадия Петровича> рассказать что-нибудь о книге, которую он пишет (в отряде все знали, что он писатель). Он неохотно ответил: «Пишу я о войне, о всех вас, а кончится война, вы мою книгу прочитаете. И еще — многие из вас получают ордена».

Вот и весь рассказ.

Люди говорили, что Гайдар по природе неразговорчив, в движениях медлительный, а вот на бумагу выложит по-настоящему, лучше, чем словами скажет.

Своего мнения у меня в то время не было. А вот разговор людей мне запомнился.

В отряде очень ценили Гайдара и всячески старались создать условия поработать над задуманной книгой, а вот как она должна была называться, я не знаю...

Мария Мойсеевна *Денисенко* (по отцу *Ильяшенко*) — дочь комиссара партизанского отряда. 15-летней школьницей ушла в отряд, стала разведчицей. В настоящее время — служащая.

¹ Демьян Константинович *Буденко* — учитель Гельмязевской средней школы, боец партизанского отряда. Расстрелян фашистами.

13

И. С. ТЮТЮННИК

<с. Гельмязево, Черкасской обл.,
28 октября 1962 г.>

... В живых из отряда осталось нас пятеро: я, Маруся *Ильяшенко*, Тарас *Бутенко*, Иван *Ваченко* и Иван *Васелака*, все они живут в Гельмязевском районе, кроме М. *Ильяшенко*; *Ваченко* и *Бутенко* в селе *Каленики*, а *Васелака* в селе *Калеберда*¹.

Теперь хочу ответить на ваши вопросы:

1. Вы спрашиваете, что случилось с отрядом после смерти *Горелова*. После поражения² отряд разбился на мелкие группы, тут была допущена большая ошибка, не было предусмотрено места сбора, и эти группы, потеряв между собой связь, существовали отдельно. Я, например, со своей группой скрывались в песчаных дюнах у Днепра около двух недель, и почти рядом была другая группа и лишь потом связались меж собой. По сути, после поражения отряд как боевая единица перестал действовать, часть пошла пробираться через фронт, а часть (главным образом местные) перешли на нелегальное положение. Я с группой товарищей перебрался в черниговские леса, жили нелегально, а потом отыскивали партизанский отряд, и я был там до прихода советских войск, с которыми пошел вместе с отрядом на фронт.

2. Относительно политрука *Овчаренко* и комиссара *Попова*³. После падения Киева к нам в отряд прислали человек пять из числа командного состава, почти все они лейтенанты. Был среди них, как мне помнится,

Овчаренко, был один врач, раненный в ногу, он было заболел, я лично организовал отправку его на лечение в больницу к врачу Оксамиту, который его лечил. Оксамит жив и в настоящее время работает врачом. Из прибывших в отряд лейтенантов никто должностных постов не занимал, они все считали себя временно пребывающими, их цель была пробираться через фронт. Комиссаром отряда у нас был Ильяшенко ⁴ <...>

3. На какое задание шла группа, которая повстречала Гайдара? То задание было <...> «охотиться» за фашистскими машинами по дороге Киев — Кременчуг.

4. В какое время немцы подошли к лагерю? Это было на рассвете, примерно, 22—23 октября. Когда фашисты охватили нас в полукольцо, прижав к речушке, отряд, быстро заняв оборону, начал отбиваться. Гайдар как пулеметчик стал у пулемета и вообще каждый боец был заранее прикреплен до соответствующего места.

5. Натиска фашистов с переваживающими силами отряд не выдержал и получил команду отойти. Гайдар как пулеметчик продолжал отбиваться, так что тов. Гайдар, по сути, сам вызвался прикрывать отступающих пулеметным огнем, это была большая помощь для спасения людей отряда.

Да! еще одно уточнение. Секретаря Сквирского райкома партии Киевской области, который действовал в отряде и погиб вместе с Гореловым, фамилия Никитченко <...>

Иван Сергеевич Тютюнник — председатель Гельмязевского райисполкома, начальник штаба партизанского отряда. Ныне — пенсионер.

¹ Тютюнник по ошибке не упомянул шестого партизана — Дениса Семеновича Ваченко (см. письмо Д. С. Ваченко).

² Тютюнник пишет о бое у лесопильного завода.

³ Тютюннику был задан вопрос: знал ли он политрука Овчаренко и комиссара Попова, о которых сообщал старший лейтенант И. Гончаренко (см. письмо И. Гончаренко).

⁴ Моисей Иванович Ильяшенко — председатель колхоза в селе Гладковщина, комиссар партизанского отряда. Погиб в бою у лесопильного завода.

14

А. Ф. СТЕПАНЕЦ — Л. Л. СОЛОМЯНСКОЙ *

<Село Леплява Черкасской области,
осень 1947 г.>

В 1941 г. в нашем лесу был организован партизанский отряд под названием Богунского ¹.

В том отряде был мой муж, Степанец Андриан Алексеевич ², и брат, Касич Игнат Федорович ³, и в этом отряде был Гайдаров Аркадий Петрович.

Где что, я им помогала. Однажды пришло много товарищей к нам переодеться. Всех я не могу вам описать, только тех, кого знаю: Александров, Никитченко, Скрыпник, Николаев, Сасько, Дороганов, Ильяшенко, Горелов ⁴.

Остальных не знаю фамилий, а товарища Гайдара запомнила, потому что они пообмывались, попереодевались и сели ужинать.

Я позавешивала окна одеялами, всякою одежею, лампу поставила под лавкою, бабушка ⁵ пошла дежурить на улицу, чтобы увидеть, как пойдут полиция, а товарищ Гайдаров говорил, как сели все ужинать и сидели за столом, говорил товарищ Гайдаров со своими товарищами и обратился ко мне и говорит:

— Вот так, Феня, как дождемся мы, как вернутся красные, я напишу книгу про свой партизанский отряд, и будет этот стол в книге, и Феня

* Перевод с украинского.

подает ужинать, и бабушка на карауле, и хата. И будешь, Феня, читать книгу и сама себя в ней увидишь.

Я стирала белье и пекла хлеб, покупала лук, помогала, что они мне приказывали.

Другой раз ехали куда-то на задание и поставили коней возле ворот и зашли сами в хату, то товарищ Гайдаров сказал:

— Феня, дай нам молочка.

Я внесла кувшин горячего молока. Они попили, и товарищ Гайдаров сказал:

— Простудились мы, Феня, — и поехали на свое задание. Вернулись назад часа в два ночи ⁶.

Товарищ Гайдаров и товарищ Горелов сказали, чтоб отыскать приемник тот, что был в сельсовете, и раскидать партизанские листовки.

Мой муж и брат повели их до старосты ⁷ за приемником, а мне сказал начальник партизанского отряда товарищ Горелов, чтоб я разнесла листовки по улицам.

Последний раз, как разбили партизанский отряд, погибло много партизан и убили пулеметчика т. Ильяшенко ⁸.

Они хотели перебраться в другой лагерь. Пришли они снова в село, поужинали, отдохнули и пошли в разведку: Гайдаров, Александров, Никитченко, Скрыпник и одного забыла фамилию. Всех пять человек их товарищей. Мой муж и брат вывели их из села, показали, куда идти. Сами вернулись. Так они и ушли.

Когда <партизаны> вернулись ⁹, попросили молока и картошки, вышли от того дядька на железнодорожную линию и наскочили на немецкий обоз — семь подвод мадьяр двигалось в наше село, и когда они вышли

ЖИТЕЛИ СЕЛА ЛЕПЛЯВА ПОКАЗЫВАЮТ МОГИЛУ ГАЙДАРА

Фотография, 1943

Собрание Дома детской книги, Москва

ПИОНЕРЫ СЕЛА ЛЕПЛЯВА У МОГИЛЫ А. П. ГАЙДАРА

Фотография, 1943

Собрание Дома детской книги, Москва

на линию, то мадьяры стали стрелять и убили товарища Гайдара, остальные товарищи убежали. Когда они убегали, то слышали, как товарищ Гайдаров кричал последние в своей жизни слова: «Героям слава... Ура!», покачнулся и упал.

Остальные товарищи прибежали и рассказали про несчастье, которое случилось с товарищем Гайдаром, как он кричал: «Ура! Слава героям...» и упал.

Потом стало известно через того дедушку, что жил в доме у железной дороги¹⁰, и через Сорокопуда Игната¹¹. Они сказали, что орден забрали немцы и какие были документы¹², потом «в селе. — Б. К.» говорили, что будут того партизана откапывать, что убили немцы.

Я услышала и сказала ребятам «т. е. партизанам. — Б. К.», так они пошли ночью и перенесли могилу¹³. Вот, что я вам говорила, то я вам и описала.

Может, вы подумаете, что это не товарищ Гайдаров, так чтоб мне видеть так свою жизнь, что это есть товарищ Гайдаров. Я клянусь своей честью и своей кровью: я товарища Гайдара в том запомнила, что он говорил про книгу, и что он тут же, в нашем селе, погиб. Много товарищей было у меня в хате, ну, я просто забыла их фамилии.

Ну, я за всех, Лия Лазаревна, не пишу, я что для вас интереснее, как были они у нас, Аркадий Петрович, как они про сына своего беспокоились, ибо каждый переживал свое горе, нужду, недоедание и холод, не зная в лесу, что его впереди ожидает. Ну, пока всё.

Афанасия Федоровна Степанец — колхозница села Леплява, жена партизана Андриана Алексеевича Степанца, мать четверых детей. Оказывала большую помощь партизанам. В настоящее время живет и работает в том же селе.

¹ Отряд находился в лесу в нескольких километрах от Леплявы. Никакого названия не имел. В настоящее время в документах именуется партизанским отрядом Гельмязевского района (по старому административному делению).

² Андриан Алексеевич *Степанец* — председатель колхоза в с. Богданы. Расстрелян фашистами в 1942 г.

³ Игнат Федорович *Касич* — заместитель председателя колхоза в с. Леплява. Расстрелян фашистами в 1942 г.

⁴ Андрей *Александров* — см. прим. 1 к письму З. М. Бугаева. *Никитченко* — см. прим. 6 к письму Д. С. Ваченко. Василий Иванович *Скрыпник* — см. письмо В. И. Скрыпника и примечание к нему. А. А. *Николаев* — заместитель командира 4 дивизии НКВД. Был в группе Орлова. Судьба его неизвестна. Василий Николаевич *Сасько* (правильно — *Сесько*) — секретарь Прохоровского сельсовета. Казнен фашистами в 1942 г. Александр Тимофеевич *Дороганов* (правильно — *Дороган*) — председатель Гельмязевского райпотребсоюза. Казнен фашистами в 1942 г. Моисей Иванович *Ильяшенко* — см. прим. 4 к письму И. С. Тютюнника. Федор Дмитриевич *Горелов* — см. прим. 4 к письму Д. С. Ваченко.

⁵ Мать Афанасия Федоровны, Устина *Касич*. Оказывала большую помощь партизанам. «Бабу Устю», как ее называли, за самоотверженность и мужество высоко ценил Гайдар. Умерла после войны.

⁶ Хата Степанцов была главной явочной квартирой партизан в селе Леплява. (Реже бойцы останавливались в доме Игната Федоровича Касича.) Отправляясь на задание и возвращаясь с него, партизаны почти всегда навещали к Степанцам, оставаясь у них до рассвета. Пока бойцы спали, Афанасия Федоровна успевала выстирать им рубашки, носки, шарфы, платки. К утру партизаны надевали все чистое.

⁷ Дмитрий *Пилипенко* до войны работал в том же селе. Должность старосты Леплявы принял по настоятельному совету Гайдара, поддержанному всем руководством партизанского отряда. Пилипенко регулярно информировал Горелова о намерениях немцев, получаемых им инструкциях, а сестра его пекла партизанам хлеб.

⁸ А. Ф. Степанец имеет в виду бой у лесопильного завода. В том бою действительно погиб комиссар отряда М. И. Ильяшенко, но пулеметчиком он не был.

⁹ Все последующие события известны А. Ф. Степанец из вторых рук, поэтому изложение их неточно.

¹⁰ Дедушка, о котором упоминает А. Ф. Степанец, — Опанас Максимович Касич, колхозник села Леплява (он живет там до сих пор). Касичу и всей его семье довелось стать свидетелями приготовлений гитлеровцев к встрече партизан (его показания записаны на магнитофон).

¹¹ Игнат Терентьевич *Сорокопуд* — в годы войны путевой обходчик. В настоящее время — мастер цеха на одном из заводов.

За несколько минут до гибели Гайдара Сорокопуд вышел из своего дома за водой и недалеко от колодца, в молодом сосняке возле насыпи, с удивлением увидел несколько подвод. Украинiec-возчик ему объяснил, что подводы прибыли из Хоцек (это село в 16 км. от Леплявы), что приехали на них немцы с пулеметами, а зачем «бис их знае». Тут началась стрельба... (Воспоминания Сорокопуда записаны на магнитофон.)

¹² Хоронил Гайдара Игнат Сорокопуд. Ему помогали двое парней, что жили в том же доме. По словам Сорокопуда, с убитого к этому времени были сняты даже сапоги. Но кто раздевал Гайдара, он не видел, равно как не видел, кто забирал документы и орден. По утверждению Скрыпника, свидетеля гибели Гайдара, у Аркадия Петровича, когда он шел на последнее свое задание, сумки с рукописями с собой не было. Следовательно, вполне возможно, что в руки к немцам она не попала.

Что касается Опанаса Касича, то он пришел к месту гибели, когда Гайдар был уже похоронен. Об ордене и документах он мог говорить только с чужих слов.

¹³ По свидетельству Сорокопуда, могила Гайдара в первую же ночь неизвестно кем была скрыта. Обходчик вновь насыпал холм, а на следующий день, с наступлением темноты, к нему пришли партизаны и объяснили, что этого не следует делать: место, где похоронен Гайдар, должно быть замаскировано.

Когда в 1947 г., готовясь к переносу праха, вскрыли могилу, тела Гайдара в ней не оказалось: она была фальшивой. Настоящую могилу обнаружили в нескольких метрах, у самой тропы.

Уважаемая товарищ Гайдар!

Я пишу это письмо и не знаю, попадет ли оно вам в руки, потому что отправляю не совсем обычной почтой и боюсь, что оно может вас не застать в Москве.

Выполняя просьбу вашего мужа, Гайдара Аркадия Петровича, сообщая вам, что он погиб от рук фашистских варваров 26 октября 1941 г.

Мне трудно писать эти строки, но я обещал ему исполнить его просьбу, как будет только возможность сообщить о его смерти вам. И вот только теперь представилась эта возможность ¹.

Вы знаете, что Аркадий Петрович последнее время был корреспондентом Юго-Западного фронта. До последнего времени он был в Киеве. Когда образовалось окружение, то Гайдару предложили вылететь на самолете, но он отказался и остался в окружении с армией. Когда часть армии была разбита, то мы, выходя из окружения, остались в партизанском отряде в приднепровских лесах. И однажды мы ходили по продукты на свою базу и нарвались на немецкую засаду, где и был убит тов. Гайдар Аркадий Петрович.

Его могила находится в Полтавской области, около железной дороги, которая идет с Канева на Золотоношу. Если ехать с Канева, то надо доехать до станции Леплява и затем пойти пешком до первого переезда в направлении Золотоноши. Там есть будка, — вот около этой будки на правой стороне железной дороги, метрах в пяти от полотна, и похоронен он ².

Будочник ³ знает могилу. И если когда-нибудь вам придется побывать там, то вы ее найдете.

Я кончаю писать, мне трудно теперь вспоминать то, что прошло, потому что мы любили нашего Аркадия Петровича.

До свидания.

Остаюсь — лейтенант С. А б р а м о в

Это письмо я передаю из временно оккупированной Украины.

Привет всем, всем, всем от товарищей-партизан, знавших его.

Мы обещались отомстить врагу за то, что они его убили, и мы отомстим так, как умел мстить тов. Гайдар. Он всегда храбро дрался и героически погиб.

Сергей Федотович *Абрамов* — до падения Киева служил в 27 понтонном батальоне. После разгрома Гельмязевского партизанского отряда и гибели Гайдара попал в партизанское соединение С. А. Ковпака, где руководил всеми инженерными и диверсионными операциями. В настоящее время работает на машиностроительном заводе им. Малышева в Харькове.

¹ Гайдар просил всех, с кем был знаком, в случае его гибели сообщить об этом в Москву жене, указывая для простоты адрес Союза писателей.

² Село Леплява по нынешнему административному делению находится в Каневском районе Черкасской области. На окраине Леплявы, у железнодорожного полотна, вблизи первой могилы Гайдара до сих пор стоит дощатая будка путевого обходчика.

³ По-видимому, С. Абрамов имел в виду путевого обходчика И. Т. Сорокопуда, который хоронил Гайдара.

И. ГОНЧАРЕНКО — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

(28 августа 1943 г.)

Уважаемый тов. комиссар!

По просьбе встретившего меня писателя Алексея Глебова считаю долгом сообщить всё, что мне известно в настоящее время о гибели писателя Аркадия Гайдара, с которым я лично тоже встречался и много беседовал в октябре 41 г.

Первый раз я его увидел числа 15 или 16 октября у батальонного комиссара Терещенко ¹, когда Гайдару предлагали уходить с очень сильным отрядом Орлова, но он не пошел, а сказал, что он остается с партизанами. В нашей группе было только десять человек из местного актива, а все другие были из окружения, и группой в это время командовал батальонный комиссар Попов. В конце октября, когда от нас ушло еще несколько человек и я был послан в тылы под Киев для вывода товари-

щей и сбора, тов. Гайдар ходил на хутор за продуктами вчетвером или втроем и был убит. С ним вместе ходил Овчаренко², политрук, который вернулся раненым и который мне рассказывал в госпитале в Горловке, что на похоронах Гайдара был комиссар и бойцы³.

Захоронили групп тов. Гайдара возле железной дороги. Тов. Глебов знает где и также можно разыскать из отряда местных людей. Я помню фамилии Топчего, Лысенко и Шаповала, а других не помню⁴.

Лучше всех знают точные подробности Попов и Овчаренко.

С тов. приветом
ст. лейтенант И. Гончаренко

Старший лейтенант *И. Гончаренко* — по всей видимости, офицер разведки.

История этого письма такова. Л. Л. Соломянская, которая в дни войны работала в редакции журнала «Знамя», узнав, что писатель Алексей Глебов едет на фронт, на Украину, попросила его навести справки о Гайдаре, надеясь, что письмо лейтенанта С. Абрамова — ошибка. Ответом на запрос Алексея Глебова к руководителям армейской разведки и явилось сообщение старшего лейтенанта Гончаренко.

¹ Разыскать его не удалось.

² То, что с Гайдаром 26 октября 1941 г. шел политрук Овчаренко, который был в перестрелке ранен, не подтвердилось.

³ Хоронили Гайдара по приказу гитлеровцев путевой обходчик И. Т. Сорокопуд и двое его соседей из числа военнопленных, отпущенных фашистами домой. Было это, примерно, в полдень, когда немцы еще продолжали прочесывать лес на окраине села, надеясь найти остальных партизан. Естественно, что батальонный комиссар Попов с бойцами присутствовать на похоронах Гайдара не мог.

⁴ Принадлежность Топчего к партизанскому отряду не установлена.

Марк Прокофьевич *Лысенко* — см. прим. 7 к письму Д. С. Ваченко.

Филимон *Шаповал* — второй секретарь Гельмязевского райкома партии, боец отряда. Дезертировал во время боя у лесопильного завода. Дальнейшая судьба его не установлена.

17

В. И. СКРЫПНИК

(г. Гайсин, 21 июня 1963 г.)

...Выходя из окружения (...), я с несколькими товарищами, фамилии которых я уже позабыл, наткнулся недалеко от села Леплява на партизанский пост отряда Горелова. После расспросов и проверки документов бойцы отряда согласились провести нас в отряд. Познакомившись с командиром отряда Гореловым и комиссаром тов. Ильяшенко, я решил остаться вместе с товарищами в партизанском отряде.

Отряд в то время по своей численности был небольшой, примерно, 30—40 человек¹. В скором времени я близко познакомился с Андрианом Степанцом² и другими. Впоследствии я часто бывал в доме Андриана. Там всегда нас встречали с большой радостью.

Примерно, в десятых числах октября 1941 г. в отряд прибыла еще одна группа товарищей, в которой находился и Аркадий Петрович. Так судьба меня свела с таким прекрасным товарищем, писателем, каким был Аркадий Петрович.

В свободное от заданий время, сидя в землянке, Аркадий Петрович очень много рассказывал нам, я имею в виду молодежи, которая была в отряде, о гражданской войне, участником которой он был. Он многому нас учил во время проведения операций.

Аркадий Петрович пользовался большим авторитетом не только у нас, рядовых партизан, но также и у командира отряда и комиссара.

Хочу сказать, что командир и комиссар очень оберегали Аркадия Петровича. Старались как можно меньше посылать его на задания. Это даже злило Аркадия Петровича, и если он решил идти на задание, то этому воспрепятствовать не мог никто.

ПАМЯТНИК А. П. ГАЙДАРУ

Установлен на могиле Гайдара в г. Каневе, куда в 1947 г. был перенесен прах писателя.

Фотография Б. Камова, 1962

Собрание Б. Камова, Москва

Аркадий Петрович в своих беседах с партизанами часто и даже очень часто вспоминал своего сына Тимура и жену. Он мечтал дожить до того дня, когда окончится война и он сможет быть неразлучно с ними.

Отряд Горелова делал очень много вылазок, громил немецких захватчиков, как только для этого представлялся удобный случай. Случайностей у нас не было, все продумывалось от начала до конца.

Насколько мне позволяет память, постараюсь описать бой у лесопилки.

Наш лагерь, в котором мы жили, находился, примерно, в 3—4 километрах от лесопилки. Там мы всегда выставляли посты, так как считали это главным направлением, откуда мог появиться противник. В один из дней, примерно, в 12 часов дня, комиссар отряда Ильяшенко с тремя партизанами отправился на проверку постов³, а партизаны отряда в это время находились на отдыхе после ночной вылазки.

Идя к месту расположения постов, группа партизан во главе с Ильяшенко наткнулась на немцев, которые двигались со стороны лесопилки к партизанскому лагерю.

Началась перестрелка, комиссар и два партизана были убиты. Один из оставшихся партизан добрался до лагеря и сообщил о случившемся. Весь отряд был поднят по тревоге и занял оборону.

Вскоре между деревьями замелькали фигуры немецких солдат. Стрельбу не открывали, стараясь подпустить их поближе, чтобы бить уже наверняка. По грубому подсчету, на лагерь двигалось около трех рот солдат, окружая нас с трех сторон.

Отряд к этому времени уже имел около 70 человек личного состава.

Так завязался неравный бой, который длился почти до потемнения⁴. Много партизан было ранено, были и убитые. Все дрались до последнего патрона. Не умолкали пулеметы на флангах. Однако устоять против численно превосходящего врага не удалось. Видя сложившуюся обстановку, командир отряда приказал группами отходить за болото⁵, дорога по которому нам была хорошо известна. За болото были унесены также и раненые.

В результате проигранного боя отряд разделился на две группы: одна под командованием Горелова и вторая под командованием Аркадия Петровича⁶. Я оказался во второй группе, то есть в группе Гайдара. Так в основном закончился бой за партизанский лагерь у лесопилки.

В этом бою Аркадий Петрович вел себя как знающий дело партизан. Он отступил из лагеря последним со своим пулеметом, который удерживал немцев на левом фланге.

Теперь постараюсь рассказать, при каких обстоятельствах погиб Аркадий Петрович Гайдар.

Отряд под командой Аркадия Петровича расположился в отдельной роще возле одной из деревень, примерно, в 10—15 километрах от Леплявы. В ночь на 26 октября группа в количестве пяти человек, в том числе Аркадий Петрович и я, направились с нового места расположения части отряда к старому лагерю с целью разведать старую базу отряда, а также узнать, где находится вторая часть отряда⁷.

Добрались ночью до Леплявы, потом до старой базы. Убедившись, что в лагере никого нет, мы там запаслись продовольствием и на рассвете 26-го добрались обратно на окраину Леплявы. Сели недалеко от железнодорожной будки перекурить. Кроме того, решили зайти к будочнику и попросить немного картошки. Вызвался идти за этим Аркадий Петрович. Он только поднялся, и сразу мы услышали: «Ребята, немцы!» Немцы открыли стрельбу. Аркадий Петрович упал.

Мы забросали немцев гранатами, но вынуждены были отходить в разные стороны. Начался отход со стрельбой. Я с одним партизаном⁸ достиг опушки леса, где и пришлось ждать до вечера.

Вечером мы вдвоем вернулись к месту боя и там узнали все подробности: Гайдар убит, два других партизана были тяжело ранены, их подобрали немцы и увезли в Гельмязево. Будочник и его жена рассказали нам, что немцы после стычки забрали у Аркадия Петровича документы, забрали также и его сапоги. Хозяин по приказанию немцев вырыл могилу, куда был положен Аркадий Петрович⁹.

Чтобы убедиться, кто именно погиб, мы спросили хозяина и хозяйку, не осталось ли что-либо от убитого. Хозяйка вынесла из другой комнаты шапку-ушанку с коричневым мехом. Это была шапка Аркадия Петровича.

Шапку как реликвию мы забрали с собой и впоследствии отдали командиру партизанского отряда тов. Горелову. Какова дальнейшая судьба шапки, мне неизвестно.

Не помню точно, через сколько дней мы опять пришли к месту гибели Аркадия Петровича, разровняли могилу, и больше мне там быть не пришлось <...>¹⁰.

С уважением В. С к р ы п н и к

Василий Иванович Скрыпник — лейтенант 3 отдельного мостового батальона 37 армии. Попав в окружение, стал бойцом партизанского отряда Ф. Д. Горелова. В настоящее время — инженер.

¹ Численность отряда Горелова к началу октября 1941 г. достигала, примерно, 60 человек.

² Андриан Алексеевич Степанец — см. прим. 2 к письму А. Ф. Степанец.

³ Бой у лесопильного завода начался на рассвете 22 или 23 октября. Сначала раздался два винтовочных выстрела. В связи с этим комиссар М. И. Ильшешенко с партизаном А. Т. Дороганом отправились в разведку. Они установили, что немцы прибыли на нескольких автомашинах. Возвращаясь в лагерь, разведчики натолкнулись на вражеский дозор. Комиссар был убит.

⁴ Партизаны отступили, примерно, в полдень.

⁵ С одной стороны к лагерю примыкало топкое болото. Фашисты, зная это, попытались отеснить партизан к нему, чтобы бойцы вынуждены были либо сдаться, либо утонуть. Партизаны незадолго перед тем, предвидя возможность окружения, спилили старую толстую сосну и перебросили ее через топь. По этой сосне, когда был отдан приказ отходить, бойцы и перебрались через болото.

⁶ После боя поздно вечером партизаны пришли в Лепляву, в хаты А. А. Степанца и И. Ф. Касича. Некоторые бойцы из местных жителей решили разойтись по окрестным селам, где у них были родные и знакомые. Остальные, среди них Гайдар, решили продолжать борьбу.

Командир отряда Горелов заявил, что он с несколькими бойцами отправится на поиски другого партизанского отряда или, в крайнем случае, подходящего леса, где можно будет создать новую постоянную базу. Остальным он приказал дожидаться его возвращения или распоряжений через связного во временном, «аварийном», лагере близ села Прохоровка. Командиром той части отряда, которая направлялась в сторону Прохоровки, на время отсутствия Горелова был назначен Гайдар.

⁷ Скрыпник имеет в виду ту часть отряда, которая во главе с начальником штаба Тютюнником после боя у лесопильного завода направилась в сторону Днепра (см. подробнее письмо И. С. Тютюнника).

⁸ Этим партизаном был лейтенант С. Ф. Абрамов — см. письмо С. Ф. Абрамова и примечания к нему.

⁹ Говоря о том, что в той же стычке были ранены двое партизан, Скрыпник ссылается на Сорокопуда. Но Сорокопуд, с которым удалось побеседовать, этого не подтверждает, как не подтверждает этого в Лепляве никто, с кем приходилось говорить, в том числе колхозник Опанас Максимович Касич.

О. М. Касич был свидетелем приготовления немцев, ожидавших партизан. Гитлеровцы расположились возле тропы, что вела в Прохоровский лес, на рассвете, очень близко от тех сосен, где остановились на привал пятеро бойцов. Гитлеровцы, надо полагать, слышали весь их разговор под соснами и не открывали огня только потому, что, видимо, не понимали, зачем остановились эти пятеро и не ждут ли они кого-нибудь еще. Предупреждающий крик Гайдара лишил гитлеровцев главного их преимущества — внезапности. Он помешал противнику скосить бойцов одной пулеметной очередью. Погибая, Гайдар спас товарищей.

¹⁰ См. прим. 11 к письму А. Ф. Степанец.